

НОВЫЙ РОМАН АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА "ПРАВДА О ДЕЛЕ ГАРРИ КВЕБЕРТА"

ЖОЭЛЬ ДИККЕР

ЗАГАДКА

НОМЕРА 622

CoRpus

Жоэль Диккер
Загадка номера 622

«Corpus (АСТ)»

2020

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Диккер Ж.

Загадка номера 622 / Ж. Диккер — «Corpus (АСТ)», 2020

ISBN 978-5-17-123531-4

Автор бестселлеров “Правда о деле Гарри Квеберта” и “Книга Балтиморов”, лауреат Гран-при Французской академии и Гонкуровской премии лицеистов, Жоэль Диккер до сих пор считался “самым американским” из европейских писателей. Однако в “Загадке номера 622” он удивил всех, впервые избрав местом действия книги свою родину – Швейцарию. Местный колорит здесь не просто фон – завязкой для сюжета послужило “чисто швейцарское” убийство. Писатель отправляется отдохнуть в роскошный горный отель, но вместо отдыха распутывает таинственное преступление, совершенное там много лет назад. В этой безумной истории есть все – труп на первой странице, любовный треугольник, блеф и театральные эффекты с участием богатых финансистов и наследниц русского дворянского рода. Кто убийца? Уж точно не тот (не та, не те), кого назначит на эту роль самый вдумчивый читатель. Интрига петляет, как серпантин в Швейцарских Альпах, 600-страничный роман держит в напряжении от первой до последней строчки. И не удивительно, что роман входит в десятку самых успешных книг, написанных на французском языке в 2020 году, а тираж его стремительно приближается к миллиону.

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-123531-4

© Диккер Ж., 2020
© Corpus (АСТ), 2020

Содержание

Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	66
Глава 14	71
Глава 15	79
Глава 16	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Жоэль Диккер

Загадка номера 622

*Моему издателю, другу и учителю Бернару де Фаллуа (1926–2018).
Пусть всех писателей в мире жизнь сведет однажды с таким
выдающимся издателем*

© Moose Publishing – Paris 2020

© М. Зонина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство Аст», 2021

Издательство CORPUS ®

Пролог

Наутро после убийства

(Воскресенье, 16 декабря)

В полседьмого утра “Палас Вербье” был погружен во тьму. Снаружи еще не рассвело и валом валил снег.

На шестом этаже открылись дверцы служебного лифта. Оттуда вышел официант с завтраком на подносе и направился к люксу 622.

Подойдя, он заметил, что дверь приоткрыта. Сквозь щелку просачивался свет. Официант объявил о своем приходе, но никто не отозвался. В конце концов он решил войти, предполагая, что дверь открыли специально для него. Заглянув внутрь, он вскрикнул от ужаса. И тут же убежал – поднять тревогу и позвать на помощь.

По мере того как страшная новость распространялась по “Паласу”, на всех этажах зажегся свет.

В номере 622 на ковре лежал труп.

Часть первая До убийства

Глава 1 *Любовь с первого взгляда*

В начале лета 2018 года, отправляясь в “Палас Вербье”, фешенебельный отель в Швейцарских Альпах, я был далек от мысли, что свой отдых мне придется посвятить распутыванию преступления, совершенного в этих стенах много лет назад.

Вообще-то я надеялся слегка развеяться после пары катаклизмов в личной жизни. Но прежде чем рассказать, что случилось тем летом, я должен вернуться к истокам этой истории, а именно к смерти моего издателя Бернара де Фаллуа.

Бернару де Фаллуа я обязан всем.

Мой успех и известность – его рук дело.

Благодаря ему меня стали называть *писателем*.

Благодаря ему меня стали читать.

Когда мы познакомились, я уже писал, но вообще не издавался. Он превратил меня в романиста, которого читают во всем мире. Этот вальяжный патриарх был одним из самых видных деятелей издательского мира Франции. Для меня он стал учителем и, прежде всего, несмотря на шестьдесят лет разницы в возрасте, близким другом.

Бернар умер в январе 2018-го, на девяносто втором году жизни, и я – как и приличествует писателю – сел сочинять о нем книгу. Я ушел в нее с головой, запершись в кабинете у себя дома, на проспекте Альфреда Бертрана, 13, в женевском квартале Шампель.

В таком состоянии я просто не выношу ничьего присутствия, за исключением Дениз, моей помощницы. Добрая фея Дениз любит нянчиться со мной. У нее всегда хорошее настроение, она составляет мне расписание, сортирует и систематизирует письма читателей, редактирует и вычитывает мои тексты. Помимо этого, ей случается забивать до отказа холодильник и пополнять запасы кофе. Ну и наконец, взяв на себя обязанности судового врача, она может ворваться в мой кабинет, словно на борт корабля, вернувшегося из дальнего плавания, и буквально замучить меня полезными советами.

– Вон отсюда! – любезно приказывает она. – Пойдите прогуляйтесь по парку, проветритесь немного. Вы часами торчите взаперти!

– Я уже бегал рано утром, – сопротивляюсь я.

– Вам следует регулярно насыщать мозг кислородом!

От нее так просто не отвяжешься.

Эта перепалка стала нашим ежедневным ритуалом. Я послушно выходил на балкон, делал глубокий вдох, заполняя легкие свежим февральским воздухом, после чего, откровенно подкалывая ее, закуривал. Дениз ужасалась и удрученно заявляла мне:

– Знаете что, Жоэль, я, пожалуй, не буду выбрасывать окурки из пепельницы. Так вы поймете хотя бы, как много курите.

Все то время, пока я писал роман, я упрямо соблюдал поистине монашеский распорядок дня, состоявший из трех основных этапов: подъем на рассвете, пробежка, работа до позднего вечера. В каком-то смысле именно благодаря этой книге я и познакомился со Слоан, моей новой соседкой по этажу. Она переехала сюда недавно, но все обитатели дома только о ней и говорили. Лично я до сих пор еще с ней не пересекался. В то утро, подходя к дому после своего

ежедневного марафона, я впервые увидел ее. Она тоже возвращалась с пробежки, и мы вместе вошли в подъезд. Я сразу понял, почему Слоан пользовалась таким успехом – это была молодая женщина, прелестная и обаятельная. Мы вежливо кивнули друг другу и скрылись каждый в своей квартире. Захлопнув за собой дверь, я застыл с открытым ртом. Этой мимолетной встречи мне хватило, чтобы немного в нее влюбиться.

Вскоре мной завладела неотвязная мысль – познакомиться со Слоан.

Первую попытку я предпринял практически на бегу. Слоан выходила бегать почти каждый день, но в разное время. Я часами бродил по парку Бертрана, уже не надеясь с ней встретиться. Потом внезапно она проносилась по какой-нибудь дальней аллее. Но как правило, я даже не пробовал угнаться за ней и отправлялся ждать ее в подъезде. Я топтался у почтовых ящиков и всякий раз, когда мимо проходили соседи, делал вид, что вынимаю письма. Потом наконец появлялась она, улыбалась мне на ходу, отчего я сразу таял и терялся, и пока я судорожно соображал, что бы выдать такого умного, она исчезала.

Наша консьержка, мадам Арманда, все мне про нее рассказала. Слоан – врач-педиатр, ее мать – англичанка, отец – адвокат, она два года прожила с мужем, но у них не сложилось. Работает в Университетской клинике Женевы то по дневному, то по ночному графику – теперь понятно, почему мне не удавалось вычислить ее расписание.

Поскольку пробежки не принесли желаемого результата, я решил изменить тактику и поручил Дениз понаблюдать в глазок за лестничной площадкой и предупредить меня, когда выйдет Слоан. Заслышав крики Дениз (“Вот она!”), я, весь из себя расфуфыренный и благоуханный, выскакивал из кабинета и как бы случайно возникал на пороге. Но мы только здоровались, не более того. Как правило, она спускалась пешком, что тут же пресекало любую попытку пообщаться. Я шел следом за ней, но что толку? Выйдя на улицу, она мгновенно испарялась. В те редкие дни, когда Слоан садилась в лифт, я терял дар речи и в кабине воцарялось неловкое молчание. В обоих случаях я возвращался домой несолоно хлебавши.

– И что? – спрашивала Дениз.

– И ничего, – бурчал я в ответ.

– Ну вы и осел, Жоэль! Да придумайте же что-нибудь!

– Я стесняюсь.

– Хватит придуриваться! На экране телевизора вид у вас отнюдь не застенчивый!

– Потому что по телевизору вы видите писателя. А Жоэль совсем другой человек.

– Да ладно, Жоэль, какие проблемы: позвоните ей в дверь, вручите букет цветов и пригласите на ужин. Вам что, лень к цветочнику идти? Хотите, я этим займусь?

Как-то апрельским вечером я в одиночестве отправился на “Лебединое озеро” в Женевскую оперу. И в антракте, выйдя покурить, столкнулся со Слоан. Мы не успели толком поговорить, потому что прозвенел звонок на второе действие, и она предложила пойти выпить после спектакля. Мы встретились в кафе “Ремор”, в двух шагах от театра. Так Слоан вошла в мою жизнь.

Слоан была красивой, веселой и умной. Мало кто производил на меня такое впечатление. После того вечера в “Реморе” я несколько раз приглашал ее на концерт или в кино. Один раз потащил на вернисаж какой-то несусветной выставки современного искусства, откуда мы сбежали, умирая со смеху, и пошли ужинать во вьетнамский ресторан, который она очень любила. Пару вечеров мы провели в гостях друг у друга, слушая оперу и беседуя о судьбах мира. Я не мог оторвать от нее взгляда, она сводила меня с ума. Мне нравилось в ней все – как она моргала, как поправляла прядки волос, как мило улыбалась, смущаясь, как ломала пальцы с покрытыми лаком ногтями, прежде чем что-то у меня спросить.

Вскоре она уже занимала все мои мысли. Настолько, что я совсем забросил работу над книгой.

– По-моему, вы витаєте в облаках, бедный мой Жоэль, – говорила Дениз, замечая, что за последнее время я не написал ни строчки.

– Это все Слоан виновата, – оправдывался я, сидя перед выключенным компьютером.

Мне не терпелось снова увидеться с ней и продолжить наши бесконечные разговоры. Я мог без усталости слушать ее рассказы о жизни и увлечениях, о прожестках и мечтах. Она любила фильмы Элиа Казана и оперу.

Как-то раз, довольно много выпив за ужином в квартале Паки, мы оказались в итоге в моей гостиной. Слоан рассматривала на полках книги и безделушки. Она надолго застыла перед пейзажем Санкт-Петербурга, который достался мне от двоюродного деда. Потом внимательно изучила крепкие напитки в баре. Ей очень понравилась рыбина, украшающая бутылку “Белуги”, и я налил нам по рюмке водки со льдом. Я включил радио на канале классической музыки, которую часто слушал по вечерам. Она ехидно спросила, угадаю ли я композитора. Подумаешь, дело, это был Вагнер. Слоан поцеловала меня под звуки “Валькирии”, обняла и прошептала “хочу тебя”.

Нашим отношениям суждено было продлиться два месяца. Два незабываемых месяца. Но мой роман о Бернаре понемногу одержал верх. Сначала я пытался писать ночами, пока Слоан дежурила в клинике. Но чем дальше, тем больше книга увлекала меня. Как-то вечером она предложила куда-нибудь пойти, и я впервые ответил ей отказом. “Мне надо работать”, – объяснил я. Тогда Слоан отнеслась к этому с пониманием. Она тоже порой задерживалась с пациентами дольше, чем предполагала.

Вскоре я снова отклонил ее приглашение. Она и тут не рассердилась. Поймите меня правильно: я наслаждался каждым мгновением, проведенным в ее обществе. Но мне казалось, что у нас с ней это навсегда и наши междусобойчики будут длиться вечно. Тогда как писательское вдохновение могло вмиг улетучиться, и я просто не имел права упускать его.

Наша первая размолвка произошла как-то ночью, в середине июня, когда, разжав объятия, я встал с ее кровати и оделся.

– Ты куда? – спросила она.

– Домой, – ответил я, как будто это само собой разумелось.

– Ты не останешься со мной?

– Нет, я хочу поработать.

– То есть зашел потрахаться и свалил?

– Мне надо хоть немного продвинуться, – возразил я с виноватым видом.

– Ты что, так и будешь писать как заведенный! – разозлилась она. – Ты сидишь над романом все дни напролет, даже по выходным! Это уже ни в какие ворота не лезет! А меня совсем забыл.

Я чувствовал, что наша любовь грозит угаснуть так же стремительно, как вспыхнула. Надо было действовать. Поэтому несколько дней спустя, накануне отъезда в десятидневный промотур по Испании, я повел Слоан ужинать в ее любимый японский ресторан на крыше “Отеля де Берг”, со сказочным видом на женеvскую гавань. Мы прекрасно провели время. Я пообещал ей, что роману о Бернаре предпочту “наш с ней”, без конца повторяя, как она мне дорога. Мы даже помечтали, что в августе вместе съездим в нашу обожаемую Италию. Вот только куда – в Тоскану или в Апулию? Мы договорились заняться отпускными планами, как только я вернусь из Испании.

Мы просидели в ресторане до часа ночи, пока он не закрылся. Хотя лето только началось, ночь выдалась очень теплой. За ужином меня не покидало странное ощущение, что Слоан чего-то от меня ждет. И только теперь, когда мы собрались уходить и я встал, а служащие поспешили вымыть террасу вокруг нас, Слоан спросила:

– А ты забыл, да?

– Что я “забыл”?

– У меня сегодня день рождения...

По моему оторопелому виду она поняла, что не ошиблась. И в ярости ушла. Я попытался удержать ее, рассыпаясь в извинениях, но она села в единственное свободное такси у входа в отель, а я остался стоять на ступеньках, один, как дурак, под насмешливыми взглядами парковщиков. Пока я добрался до своей машины, пока доехал до дома 13 на проспекте Альфреда Бертрана, Слоан уже успела вернуться к себе, отключила телефон и не пожелала открыть мне дверь. На следующий день я улетел в Мадрид и в течение всего моего пребывания там бесконечно оставлял ей сообщения и писал мейлы, но ответа не получил. У меня не было от нее никаких вестей.

Я вернулся в Женеву утром в пятницу, 22 июня, и узнал, что Слоан меня бросила.

В роли вестника выступила Арманда, наша консьержка. Она перехватила меня, как только я вошел в дом.

– Вам письмо, – сказала она.

– Да?

– От вашей соседки. Она не захотела опустить его в ящик, потому что ваша помощница читает всю почту.

Я сразу вскрыл конверт. В записке было всего несколько строк:

*Жоэль,
у нас ничего не выйдет.
До скорого.*

Слоан

Ее слова ранили меня в самое сердце. Опустив голову, я поднялся к себе в надежде, что хотя бы Дениз скрасит на время мое существование. Дениз, милейшая особа, от которой муж ушел к другой, – символ современного одиночества. А лучшее лекарство от одиночества, как известно, общение с тем, кто еще более одинок! Но я столкнулся с ней на пороге своей квартиры. Дениз явно собралась уходить, притом что не было еще и двенадцати.

– Вы куда? – спросил я, даже не поздоровавшись.

– Здравствуйте, Жоэль, я же говорила, что сегодня уйду пораньше. У меня самолет в три часа.

– Самолет?

– Только не говорите мне, что опять все забыли! Мы же обсудили мой отпуск до вашего отъезда в Испанию. Мы с Риком летим на две недели на Корфу.

С Риком Дениз познакомилась по интернету.

Мы и правда говорили с ней об их поездке. У меня это совершенно вылетело из головы.

– Слоан меня бросила, – объявил я.

– Я знаю и очень вам сочувствую.

– То есть как *вы знаете*?

– Консьержка прочла письмо, которое Слоан ей для вас оставила, и все мне рассказала. Я не рискнула потревожить вас в Мадриде.

– И тем не менее решили уехать?

– Я не намерена отменять отпуск только потому, что от вас ушла очередная подружка! Да вы в два счета найдете ей замену. Вам все бабы глазки строят. Ладно, увидимся через две недели. Оглянуться не успеете! Кроме того, я обо всем позаботилась, голодать не будете. Смотрите!

Дениз поспешно повела меня на кухню. Узнав о моем разрыве со Слоан, она поняла, что я надолго засяду дома. Очевидно опасаясь, что в ее отсутствие я вообще прекращу принимать

пищу, она накупила еды на полк солдат, забив провизией все сверху донизу, от кухонных шкафов до морозилки.

После чего она ушла. Бросив меня в полном одиночестве. Я сварил себе кофе и сел за длинную стойку из черного мрамора, вдоль которой стояли в ряд высокие стулья, безнадежно пустые. На этой кухне могли поместиться десять человек, но увы, кроме меня тут никого не было. Я потащился в кабинет и долго маялся там, разглядывая наши со Слоан фотографии. Потом взял карточку из плотной бумаги, вывел на ней имя Слоан и, поставив дату, чтобы запечатлеть ужасный миг расставания, приписал: “22.6 – забыть этот день”. Но мне никак не удавалось выкинуть ее из головы. Все здесь напоминало о ней. Даже диван в гостиной, где я в конечном итоге развалился, напомнил мне, как всего пару месяцев назад на этом месте, вот на этих вот подушках, у меня начался самый потрясающий в жизни роман, который я умудрился пустить под откос.

Я буквально бил себя по рукам, чтобы не постучаться к Слоан и не позвонить ей. К вечеру мне стало совсем невмоготу, и я уселся на балконе, куря сигарету за сигаретой, в надежде, что Слоан тоже покажется и мы “случайно” увидимся. Но мадам Арманда, выйдя погулять с собакой, заметила меня снизу и, обнаружив все на том же месте, когда вернулась через час, крикнула, приближаясь к подъезду: “Зря ждете, Жоэль! Ее нет. Она уехала в отпуск”.

Я вернулся в кабинет. Мне просто необходимо было сбежать отсюда. Я полагал, что, оказавшись на время далеко от Женевы, перестану думать о Слоан. Мне хотелось спокойствия и безмятежности. И тут на столе, в ворохе записок о Бернаре, мне попало на глаза упоминание о Вербье. Он обожал это место. Почему бы и мне туда не отправиться – насладиться альпийской тишиной и хоть немного прийти в себя. Какая прекрасная мысль. Я включил компьютер, вошел в интернет и почти сразу попал на сайт легендарного “Паласа Вербье”. Быстро прокрутив выложенные там фотографии, я понял, что нашел свое счастье: залитая солнцем терраса, бассейн с джакузи, вид на фантастические пейзажи, интимный полумрак в гостиничном баре, уютные салоны и роскошные люксы с камином. Самое оно. Я нажал “Забронировать” и быстро вписал даты.

Вот так все и началось.

Глава 2

Отпуск

В субботу, 23 июня 2018 года, на рассвете, загрузив чемодан в багажник своей машины, я двинулся в сторону Вербье. На горизонте вставало солнце, окутывая пустынные женевские улицы густо-оранжевой дымкой. Переехав Рону по мосту Монблан, я пронесся по цветущим набережным до квартала ООН и вырулил на автостраду по направлению к Вале.

Это раннее летнее утро привело меня в восхищение: небо переливалось чудесными красками, пейзажи по обе стороны шоссе виделись мне еще более буколическими, чем обычно, деревеньки, разбросанные среди виноградников над Женевским озером, так и просились на открытку. Я свернул с автострады в Мартиньи и поехал по узкой извилистой дороге, которая после Ле-Шабля вьется серпантином вверх до самого Вербье.

Через полтора часа я прибыл на место. Утро только занималось. Следуя указателям, я выехал по главной улице прямо к “Паласу”. Он был расположен сразу за чертой города (в нескольких минутах ходьбы от него), но все же на достаточном расстоянии, чтобы почувствовать себя вдали от всего, любуясь восхитительным видом на Валь-де-Бань. “Палас Вербье”, типичный горный отель, с башенками и широкой покатой крышей, утопал в зелени, возвышаясь над стеной соснового бора.

В “Паласе” меня встретили очаровательные предупредительные сотрудники. Тут все буквально источало умиротворение, и мне сразу стало хорошо. Пока я заполнял формуляр на стойке регистрации, кто-то из служащих спросил:

– Вы ведь писатель, верно?

– Да.

– Ваше присутствие большая честь для нас. Я прочел все ваши книги. Вы приехали писать новый роман?

– Только не это! – засмеялся я. – Я приехал отдохнуть. Отпуск, отпуск, отпуск!

– Думаю, вам у нас понравится, мы приготовили для вас один из лучших люксов. Номер 623.

Портье, забрав мои чемоданы, сопровождал меня на шестой этаж. Следуя за ним по коридору, я смотрел, как мелькают двери с номерами. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что одного явно недостает: 620, 621, 621-бис, 623!

– Странно, – заметил я, – шестьсот двадцать второго вообще тут нет.

– Да, – ответил портье, не утруждая себя объяснениями.

Номер 623, оформленный в современном стиле, удачно контрастировавшем с общей атмосферой “Паласа”, превзошел все мои ожидания. Там была гостиная с большим диваном и камином, кабинет с видом на долину и просторный балкон. Из спальни с огромной кроватью дверь вела в гардеробную, за которой располагалась отделанная мрамором ванная комната с душевой кабинкой и гигантской ванной.

Обойдя свои владения, я задумался о странной истории с нумерацией комнат, которая не давала мне покоя.

– Почему же 621-бис вместо 622? – спросил я портье, когда он внес мои вещи.

– Вероятно, ошибка, – ответил он лаконично.

Трудно сказать, действительно ли он ничего не знал или намеренно умалчивал о чем-то. Во всяком случае он явно не испытывал особого желания продолжать этот разговор.

– Могу я еще чем-нибудь быть вам полезен? Если пожелаете, я пришлю вам служащего распаковать багаж.

– Нет, большое спасибо, справлюсь сам.

Я сунул ему чаевые, и он мгновенно испарился. Подгоняемый любопытством, я отправился осматривать коридор: не считая соседнего номера, других “бис” на моем этаже не наблюдалось. Забавно. Но я решил не думать об этом. В конце концов, я в отпуске.

В свой первый день в Вербье я прогулялся по лесу до горного ресторанчика, где и пообедал, любуясь великолепным ландшафтом. Вернувшись в отель, я не преминул испробовать термальный бассейн, после чего долго читал.

Вечером, перед ужином в ресторане “Паласа”, я зашел выпить скотч в баре. Сев у стойки, я завел беседу с барменом, который оказался неиссякаемым источником пикантных историй о постояльцах. Вот тут я впервые ее и увидел: женщина моих лет, очень красивая, судя по всему, без спутника, села у противоположного конца стойки, заказав “драй мартини”.

– А это кто? – спросил я бармена после того, как он ее обслужил.

– Скарлетт Лонас. Клиентка отеля, приехала вчера. Она из Лондона. Довольно милая. Ее отец – английский аристократ, лорд Лонас, не слышали? Она идеально говорит по-французски, сразу видно, что образованная. Видимо, сбежала от мужа и скрывается тут.

В тот вечер я встретился с ней дважды.

Сначала в ресторане – мы ужинали почти рядом, нас разделяло всего несколько столиков. Потом совершенно неожиданно, около полуночи, выйдя покурить на балкон, я обнаружил, что она занимает соседний номер. А я-то считал, что совсем одинок в отливающей синевой ночи. У меня в руке была привезенная из Женевы фотография Бернара. Опершись на парапет, я закурил и печально посмотрел на снимок. Внезапно чей-то голос вывел меня из задумчивости: “Добрый вечер!”

Я подскочил. Она окликнула меня со смежного балкона. Я и не заметил, что она сидела совсем рядом, в летнем соломенном кресле.

– Извините, я вас напугала, – сказала она.

– Никак не ожидал, что кто-нибудь составит мне компанию в столь поздний час, – ответил я.

Она представилась:

– Меня зовут Скарлетт.

– Меня – Жоэль.

– Я знаю, кто вы. Писатель. Тут все только о вас говорят.

– Как правило, это дурной знак, – отозвался я.

Она улыбнулась. Чтобы она вдруг не исчезла, я предложил ей сигарету. Она кивнула. Я протянул ей пачку и поднес зажигалку.

– Что же привело вас сюда, писатель? – спросила она, затянувшись.

– Захотелось воздухом подышать, – ответил я уклончиво. – А вас?

– Мне тоже захотелось воздухом подышать. Я оставила свою лондонскую жизнь, работу, мужа. В поисках перемен. А кто это у вас на снимке?

– Мой издатель, Бернар де Фаллуа. Он умер полгода назад. Он много значил для меня.

– Сочувствую.

– Спасибо. Мне никак удастся поставить точку в этой истории.

– Должно быть, очень досадно для писателя.

Я заставил себя улыбнуться, но по моему лицу она поняла, что мне не до смеха.

– Простите, я неудачно пошутила.

– Не страшно. Бернар умер на девяносто втором году жизни, так что он имел полное право нас бросить. Мне придется привыкать к его отсутствию.

– Горе не подчиняется правилам.

Лучше не скажешь.

– Бернар был великим издателем. Но это еще не все. Он был великим человеком, наделенным массой достоинств, и в своей издательской карьере прожил несколько жизней. Сам писатель и редкий эрудит, он проявил себя умелым бизнесменом, невероятно харизматичным, с поразительным даром убеждения – стань он адвокатом, вся парижская адвокатура пошла бы по миру. В свое время Бернар возглавлял самые крупные издательские группы Франции, его побаивались и уважали, он водил дружбу со многими известными философами и интеллектуалами тех лет, ну и с действующими политиками тоже. Он царил над Парижем, а потом, с годами, отошел в тень, ничуть не утратив своего магического ореола – он создал собственное издательство, по своему образу и подобию – небольшое, скромное, авторитетное. Гениальный, любопытный, радостный, лучезарный – таким я узнал Бернара, когда он взял меня под свое крыло. О таком учителе я всегда мечтал. Его речь была блестящей, остроумной, живой и глубокой. Даже его смех был мудрым. Казалось, ему ведомы все тайные механизмы человеческой комедии. Рядом с ним хотелось жить, он сиял как звезда в ночи.

– Незаурядным человеком был, видимо, ваш Бернар, – сказала Скарлетт.

– Конечно, – подтвердил я.

– Писатель – все-таки захватывающая профессия...

– Вот и моя недавняя подружка так говорила, пока не познакомилась со мной поближе.

Скарлетт засмеялась:

– Я правда так думаю. По-моему, все жаждут написать роман.

– Не уверен.

– За себя я ручаюсь.

– Ну так вперед, – предложил я. – Вам понадобится всего лишь карандаш и стопка бумаги, и перед вами откроется мир, полный чудес.

– Я не знаю, с чего начать. Да и где взять идею для романа.

Я докурил и уже собирался вернуться в комнату, но она остановила меня, и я, признаться, не сильно расстроился.

– Как у вас рождается идея романа? – спросила она.

Я подумал, прежде чем ответить:

– Принято считать, что роман начинается с идеи. На самом деле роман начинается, прежде всего, с желания писать. Это желание захлестывает вас с головой, отвлекает от всего остального, и ничто не в силах ему воспрепятствовать. Эту вечную жажду я бы назвал писательским недугом. Можно сочинить лучшую в мире интригу, но если вам неохота писать, она просто не пригодится.

– А как сочинить интригу?

– Хороший вопрос, доктор Ватсон. Начинающие авторы часто ошибаются, полагая, что сюжет состоит из собранных воедино фактов. Ну, выдумал персонажа, вписал его в некую ситуацию, и пошло-поехало.

– Действительно, – согласилась Скарлетт. – У меня, кстати, возникла как-то одна идея: девушка выходит замуж и перед первой брачной ночью убивает мужа в гостиничном номере. Но мне так и не удалось ее развить.

– Потому что это всего лишь нанизывание разрозненных фактов, как я и говорил. А ведь интрига по определению должна состоять из вопросов. Для начала представьте всю канву повествования в вопросительной форме. *Почему ваша героиня убивает мужа в первую брачную ночь? Кто она такая? Кто ее муж? Какова история их любви? Почему они поженились? Где они поженились?*

Скарлетт ответила, не задумываясь:

– Муж был невероятно богат и чудовищно скуп. Она мечтала о сказочной свадьбе с белыми лебедями и фейерверком, а получила дешевую вечеринку в захудалом отеле. Обезумев

от ярости, она его убила. Если судьей будет женщина, она учтет смягчающие обстоятельства – ведь нет ничего хуже мужа-скупердяя.

Я расхохотался:

– Вот видите, стоило сформулировать историю в виде вопросов, как вам открылось бесконечное число возможностей. Из ваших ответов все персонажи, места и действия возникнут сами собой. Вы уже обрисовали в общих чертах образы мужа и жены. И даже продолжили интригу, воображая судебное разбирательство. А в чем, собственно, суть дела? В убийстве? Или в процессе над женой? Ее оправдают? Магия литературы заключается в том, что если любой факт, все равно какой, увенчать вопросительным знаком, он распахнет перед вами двери в пространство романа.

– Все равно какой? – недоверчиво переспросила Скарлетт, словно подначивая меня.

– Все равно. Давайте разберем конкретный пример. Если я не ошибаюсь, вы поселились в номере 621-бис?

– Совершенно верно.

– А я в номере 623. Ваша дверь идет следом за 621-й. Я прошел весь этаж и убедился, что номера 622 не существует. Это факт. Почему в “Паласе Вербье” на месте люкса 622 находится 621-бис? Вот вам и интрига. И завязка романа.

Скарлетт радостно улыбнулась, явно увлекаясь игрой.

– Не обольщайтесь, – тут же осадила меня она, – возможно, этому найдется вполне рациональное объяснение. Иногда в отелях изымают тринадцатые номера в угоду суеверным клиентам.

– Если сразу обнаружится рациональное объяснение, – сказал я, – то интрига угаснет и роман не состоится. И вот тут на сцену выйдет писатель: чтобы роман осуществился, ему придется слегка раздвинуть границы рационального, подняться над действительностью, а главное, изобрести интригу там, где ее нет.

– И как бы вы поступили с нашим гостиничным номером? – спросила Скарлетт, сомневаясь, что правильно меня поняла.

– В книге писатель в поисках объяснения пойдет расспрашивать консьержа.

– Так пошли! – предложила она.

– Прямо сейчас?

– Конечно, прямо сейчас!

– Номер 621-бис – это наш фирменный знак, – сообщил консьерж, удивленный, что мы явились среди ночи с таким вопросом. – Когда отель строился, табличку с номером 621 по ошибке повесили на две двери. Конечно, чтобы уладить это недоразумение, достаточно было бы просто заменить одну из них на 622. Но тогдашний владелец “Паласа”, Эдмон Роз, опытный бизнесмен, предпочел добавить “бис” к цифрам 621.

Что, разумеется, заинтриговало клиентов, все стали проситься именно в этот люкс, воображая, что в нем есть что-то особенное. Трюк этот срабатывает до сих пор, и лишнее тому доказательство – тот факт, что вы не поленились спуститься в такой поздний час, чтобы узнать, в чем загвоздка.

Когда мы вернулись на шестой этаж, Скарлетт сказала:

– Значит, номер 621-бис – это ошибка строителей.

– Только не для романиста, иначе история закончится, толком не начавшись. В романе консьерж лжет, чтобы запустить интригу. А почему он лжет? Чем на самом деле интересен таинственный люкс 621-бис? Что там могло произойти, чтобы в отеле это так тщательно скрывали? Вы выстраиваете сюжет, отталкиваясь от обычной ситуации.

– И что теперь? – спросила Скарлетт.

– А теперь, – отшутился я, – копайте сами. Я пошел спать.

Я был далек от мысли, что только что испортил себе отпуск.

В девять утра меня разбудил стук в дверь. Я пошел открывать, это была Скарлетт. Она изумилась, увидев мою заспанную физиономию.

– Вы что, спали, писатель?

– Да, я же в отпуске. Может, вы слышали, это такой период, когда вас все оставляют в покое.

– Ну раз так, ваш отпуск закончился, – сообщила она, переступив порог с толстой книгой под мышкой. – Я нашла разгадку вашей так называемой интриги. “Почему в «Паласе Вербье» на месте номера 622 находится 621-бис?” А потому, что там произошло убийство!

– Что? С чего вы взяли?

– Рано утром я зашла в кафе в центре Вербье, чтобы опросить посетителей. И некоторые из них согласились со мной поговорить. Можно мне кофе, будьте добры.

– Простите?

– Кофе, *please!* Рядом с мини-баром стоит кофемашина. Вы заряжаете в нее капсулу, нажимаете на кнопку, и в чашку – о чудо! – льется кофе. Вы будете поражены.

Она совершенно очаровала меня. Я тут же послушно сделал нам два эспрессо.

– Ничто не указывает на связь между убийством и закавкой с номером 621-бис, – возразил я, протягивая ей чашку.

– Подождите, это еще не все. – Скарлетт открыла книгу, которую принесла с собой.

– Что это? – спросил я, садясь рядом с ней.

– История “Паласа”, – ответила она, перелистывая страницы. – Я отрыла ее в местной книжной лавке.

Скарлетт задержалась на снимке архитектурного плана отеля и ткнула в него пальцем:

– Шестой этаж. Нам везет! Посмотрите, вот наш коридор, и с номерами тут пока что все в порядке. Они преспокойно следуют друг за другом! И 622-й на своем месте, между 621-м и 623-м.

Я с изумлением убедился, что Скарлетт права.

– И что скажете? – спросил я, будучи уверен, что она уже придумала объяснение.

– Скажу, что убийство произошло в номере 622, и дирекция отеля решила просто стереть из памяти это событие.

– Это всего лишь гипотеза.

– И мы ее проверим. У вас есть машина?

– Да, а что?

– Ну так в путь, писатель!

– Что значит “в путь”? Куда вы намылились?

– В архивы “Нувеллиста” – это тут главная ежедневная газета.

– Сегодня воскресенье, – заметил я.

– Я позвонила в редакцию. Они работают по воскресеньям.

Мне нравилась Скарлетт. Только поэтому я и повез ее в Сьон, в часе езды от нас, где располагалась редакция “Нувеллиста”.

Дежурная на входе предупредила, что доступ в архивы открыт только подписчикам.

– Придется подписаться, – объявила Скарлетт, пихнув меня локтем.

– Я-то тут при чем?

– Давайте, писатель, некогда препираться, оформите, пожалуйста, подписку!

Я безропотно вынул кредитную карточку, и нас пропустили в архивный зал. У меня в воображении уже возник пыльный подвал, забитый снизу доверху стопками старых газет, но мы попали в небольшую комнату с четырьмя компьютерами. Все архивы были переведены в электронный вид, что нам сильно облегчило жизнь. Мы сели перед монитором, и нескольких

ключевых слов, набранных Скарлетт, хватило, чтобы выскочила целая подборка статей. Она кликнула наугад и испустила победный крик. Интересующее нас дело обсуждалось на первой полосе. Под фотографией “Паласа Вербье” и припаркованных перед ним полицейских машин мы прочли:

УБИЙСТВО В “ПАЛАСЕ”

Вчера, в воскресенье, 16 декабря, клиент “Паласа Вербье” был найден убитым в номере 622. Тело обнаружил официант, когда принес завтрак.

Глава 3

Начало

Воскресенье, 9 декабря, за 7 дней до убийства

Самолет безнадежно застрял на летном поле в Мадриде. Командир корабля объявил по громкой связи, что ввиду сильного снегопада женеvский аэропорт закрыт, но очистка полосы много времени не займет. Они смогут взлететь максимум через полчаса.

Эта канитель для большинства его попутчиков оказалась лишь незначительным неудобством, но Макер Эвезнер, пассажир бизнес-класса, сидевший в первом ряду, явно очень расстроился. Непрерывно поглядывая в иллюминатор, он залпом выпил принесенный стюардессой бокал шампанского, чтобы скрасить ожидание. Макер нервничал. Что-то случилось. Он был уверен, что задержка рейса вызвана отнюдь не снегопадом – просто они наконец его выследили. И арестуют сейчас прямо на борту. Почему-то он не удивился. Его загнали в угол как крысу. Отсюда не сбежишь. Внезапно Макер увидел, что к его самолету мчится полицейский автомобиль с включенной мигалкой. У него екнуло сердце. Вот он и попался.

Накануне, во второй половине дня.

Центр Мадрида, квартал Саламанка

Макер и Перес вышли из метро на станции “Серрано”. Они вычислили информатора и, забрав у него документы, поспешили в метро – этот путь показался им надежнее. Но, выскочив из вагона, Перес почему-то решил, что за ними следят. Поднимаясь по лестнице на улицу, он убедился, что прав.

– Не оборачивайся, – велел он Макеру. – Нас уже какое-то время ведут два типа.

По его голосу Макер понял, что дело плохо. Притом что их учили подмечать все странности вокруг. Такая рассеянность дорого им обойдется.

Макер почувствовал прилив адреналина.

– Иди направо, – сказал Перес. – Я налево. Встретимся попозже в квартире.

– Я тебя не брошу!

– Быстрее! – велел Перес. – Делай, что я говорю! Список-то у тебя!

Они разделились. Макер быстрым шагом пошел направо. Рядом таксист как раз высадил клиента, и он поспешно сел в освободившуюся машину. Шофер тронулся с места, и Макер обернулся: Перес исчез из виду.

Макер попросил высадить его на площади Пуэрта-дель-Соль и растворился в толпе туристов. Он забежал в магазин одежды и появился оттуда полностью преобразившимся – на случай, если они уже располагали его приметам. Не понимая, как поступить, он в конце концов позвонил по экстренному номеру. Он воспользовался им впервые за двенадцать лет. Неподалеку от квартала Ретиро он зашел в телефонную будку и набрал номер, который знал наизусть. Он назвал себя, и его переключили на Вагнера, который сообщил ему неприятную новость:

– Переса арестовала испанская полиция. Но им нечего ему предъявить. Тем более у него дипломатический паспорт.

– Список у меня, – сказал Макер. – Мы не ошиблись – это был он.

– Отлично. Сожгите список и в точности следуйте протоколу. Сейчас возвращайтесь к себе, а завтра, как и планировалось, улетайте в Женеву. Не волнуйтесь. Все будет нормально.

– Хорошо.

Прежде чем разъединиться, Вагнер заметил с каким-то даже радостным оживлением, что никак не вязалось с серьезностью ситуации:

– Кстати, раз уж вы позвонили, о вас пишут в прессе. Считайте, что это официальное подтверждение.

– Знаю, – ответил Макер, раздраженный легкомысленным тоном собеседника.

– Поздравляю!

И разговор на этом прервался.

Следуя полученным инструкциям и приняв все меры предосторожности, Макер вернулся на съемную квартиру и сжег список. Он ужасно корил себя за то, что согласился на эту командировку, наверняка последнюю. Да, и несомненно, лишнюю. Ему было что терять: жену, беззаботную жизнь и карьеру. Через неделю он станет президентом их семейного банка, одного из крупнейших частных банков Швейцарии. Кто-то, видимо, проболтался, и информация о его назначении появилась сегодня в воскресном выпуске “Трибюн де Женев”. Все тут же бросились писать ему поздравительные сообщения. Все, за исключением его жены Анастасии, которая осталась в Швейцарии. Под разными предложениями он не брал ее с собой в такого рода поездки.

Полицейский автомобиль, несущийся по летному полю мадридского аэропорта, миновал его самолет и, не останавливаясь, поехал дальше по дороге для спецтранспорта. Ложная тревога. Макер, расслабившись, откинулся на спинку кресла. Наконец самолет вздрогнул и медленно покатился к взлетной полосе.

Когда через пару минут они наконец оторвались от земли, Макер, почувствовав себя в безопасности, испустил вздох облегчения. Он попросил водку с орешками и выудил свежий номер “Трибюн де Женев” из кипы предложенных газет. В разделе экономики он обнаружил свою фотографию:

**В СУББОТУ МАКЕР ЭВЕЗНЕР БУДЕТ
НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ ЭВЕЗНЕР-БАНКА**

Прочь сомнения! Макер Эвезнер, единственный наследник семьи Эвезнер, в 41 год возглавит самый крупный частный банк Швейцарии. Эту информацию нам косвенно подтвердил один из его топ-менеджеров, пожелавший остаться неизвестным. “Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком”, – отметил он.

Макер заказал еще одну рюмку водки, которая его и добила. Он задремал.

Ему казалось, он закрыл глаза всего на несколько минут, но, очнувшись, понял, что самолет уже заходит на посадку. За бортом виднелись резные контуры Женевского озера и городские огни. Шел сильный снег, в воздухе кружились белые хлопья. Зима пришла рано, и вся Швейцария вмиг побелела. Рейс из Мадрида приземлился в Женеве одним из первых после длительного перерыва в полетах из-за погодных условий.

В полдесятого вечера самолет коснулся только что расчищенной посадочной полосы. Макер с чемоданчиком в руке быстро выбрался из хитросплетения коридоров аэропорта, который он знал как свои пять пальцев. В зоне прилета он с беспечным видом продефилировал мимо таможенников, не задавших ему ни единого вопроса.

Из-за метели, застопорившей авиаперелеты на целый час, на выходе из аэропорта в ожидании редких пассажиров стояла длинная вереница такси. Макер сел в самую первую машину. Водитель отвлекся от газеты, которую как раз долистал до конца.

– Шоссе Рют, Колоньи, – сказал Макер.

Пристально посмотрев на пассажира в зеркало заднего вида, таксист помахал свежим выпуском “Трибюн де Женев”:

– Это же про вас пишут, да?

Макер усмехнулся, польщенный тем, что его узнают.

– Про меня.

– Какая честь, месье Эвезнер, – воскликнул водитель, уважительно глядя на него. – Не каждый день ко мне садится звезда финансового мира.

Макер, рассматривая свое отражение в окне, не смог сдержать улыбки. Вот он и достиг пика карьеры. К черту мадридские страхи: опасность позади, его ждет светлое будущее. Он предвкушал завтрашний день в банке. Ему прямо не терпелось увидеть, как вытянутся у них рожи! Даже если его назначение на должность президента было решено несколько месяцев назад, сегодняшняя статья не пройдет незамеченной. Все тут же начнут его обхаживать. Осталось потерпеть пару дней – в субботу вечером, во время Большого корпоративного уикенда Эвезнер-банка в Вербье, его изберут главой этого distinguished учреждения.

Такси поехало по улице Сервет, потом по улице Шантпуле к мосту Монблан. Берега озера переливались всеми цветами радуги. В ореоле снежинок вздымался величественным плюмажем знаменитый фонтан “Же д’О”, символ города. Женева, сверкающая сквозь снежную дымку рождественской иллюминацией, выглядела феерически. Вокруг все казалось таким спокойным и безмятежным.

Теперь они ехали по набережной Генерала Гизана в сторону Колоньи, фешенебельного пригорода Женевы, где Макер жил со своей женой Анастасией в великолепном особняке с парком и видом на озеро.

На кухне Эвезнеров в этот момент их домработница Арма проверила жаркое из телятины, которое томилось уже несколько часов, окруженное ее любовью и заботой. В самый раз. Она бросила восхищенный взгляд на статью в газете, лежавшей рядом на столешнице, – ей приятно было готовить в хорошей компании. Вот и официальное подтверждение: в следующую субботу хозяина изберут президентом банка! Она так им гордилась. Она вообще-то не работала по выходным, но, углядев вчера газету со статьей в своем любимом кафе, решила встретить его ужином по возвращении из Мадрида. Арма знала, что он будет один, потому что его жена уехала на уикенд к подруге (медем Анастасия не любила оставаться в одиночестве в их большом особняке, когда Макер уезжал в командировку). Арме было грустно при мысли, что он вернется в пустой дом и ему не с кем будет отпраздновать эту прекрасную новость.

Завидев фары машины, она выбежала ему навстречу, не успев даже накинуть пальто, хотя шел снег.

– Про вас написали в газете! – возопила она, гордо размахивая статьей перед носом Макара, вылезавшего из такси.

– Арма, – удивился он, – что вы здесь делаете в воскресенье?

– Я не хотела, чтобы вы вернулись в темный дом и к тому же остались без ужина.

Он тепло улыбнулся ей.

– Вы теперь официальный *Президент!* – ликовала Арма.

Таксист вынул из багажника чемоданчик Макара, она сразу схватила его и поспешила в дом. Когда такси выехало за ворота, в свете фар появился мужчина. Водитель затормозил и опустил стекло.

– Я сделал все, как вы велели, – доложил он незнакомцу, которому, казалось, снегопад был нипочем.

– Вы показали ему статью?

– Да, я в точности следовал инструкциям, – торжественно поклялся таксист, в ожидании вознаграждения. – Я притворился, что узнал его, как вы и просили.

Мужчина с довольным видом вручил ему несколько стофранковых купюр, и таксист немедленно уехал.

Макер сел за стол на кухне, и Арма подала ему щедрый кусок жаркого. Он был встревожен. Главным образом из-за Анастасии. Он отправил ей сообщение, предупредив, что уже в Женеве. Она ответила лаконично:

Рада, что твоя поездка прошла хорошо. Поздравляю со статьей в "Трибюн". Вернусь завтра, побаваяюсь садиться за руль в такой снег.

Макер задумался, кто кому врет. Сам он блефовал уже двенадцать лет. Двенадцать лет он стограл от желания поделиться с ней своим секретом.

Арма прервала его размышления.

– Я так рада за вас, мисье, – сказала она. – Я чуть не прослезилась, когда увидела статью. *Президент банка!* В Мадрид вы ездили по работе?

– Да, – солгал Макер.

Мысли его явно были далеко, и он не обращал никакого внимания на Арму. В конце концов она принялась чистить кастрюли, ругая себя на чем свет стоит. Вот дура, надо было ей лезть со своим ужином! Она-то думала, что доставит ему удовольствие. В кои-то веки провели бы вместе вечерок. Но ему на нее плевать с высокой колокольни. Он даже не заметил, что она побывала у парикмахера и покрасила ногти. Арма решила уйти.

– Если я вам больше не нужна, мисье, я пойду домой.

– Конечно, идите, Арма, и спасибо за вкуснейший ужин. Не будь вас, я лег бы спать на голодный желудок. Вы просто сокровище. Кстати, вы не забыли, что будете мне нужны на следующие выходные?

– На все выходные? – испугалась Арма.

– Ну да, я же уезжаю на Большой корпоративный уикенд нашего банка, и жен не приглашают. Меня мучает совесть, что снова придется бросить тут Анастасию. Два уикенда подряд это уж чересчур... Вы же знаете, она терпеть не может сидеть в одиночестве в этом огромном доме. Вы могли бы даже переночевать в комнате для друзей... ей так будет спокойнее.

– Но вы же отпустили меня со следующей пятницы, – напомнила Арма. – Я собиралась уехать до понедельника.

– Ах, черт возьми, я совершенно забыл! Вы не могли бы отменить поездку? Пожалуйста, я должен быть уверен, что с Анастасией дома кто-то есть. И потом, она, возможно, захочет пригласить гостей, хорошо бы вы занялись хозяйством и приготовили ужин. Я вам заплачу вдвойне за каждый час, проведенный здесь с пятницы до вечера воскресенья.

Она бы, конечно, не согласилась ни за какие коврижки. У нее были намечены очень важные дела на тот уикенд. Но поскольку она ни в чем не могла отказать мисье, пришлось ей уступить скрепя сердце.

Когда Арма ушла, Макер заперся в своем будуаре, как он его называл, – небольшой комнатке на первом этаже, служившей ему кабинетом. Там он снял со стены картину (акварель с видом Женевы), за которой скрывался небольшой сейф. Он набрал шифр, известный только ему, и открыл дверцу. Внутри лежал один-единственный предмет – тетрадь. Последние несколько недель он рассказывал на ее страницах свою тайную жизнь. На всякий случай. Пусть хоть кто-нибудь о ней узнает. С недавних пор он чувствовал, что за ним следят. Пасут. События в Мадриде, похоже, подтверждали его правоту. За эти двенадцать лет ему часто приходилось рисковать. Поэтому он и принял решение обо всем написать, чем черт не шутит.

Макер пролистал тетрадь – первые страницы были сплошь покрыты столбцами цифр и денежных сумм, как в заурядном бухгалтерском отчете. Если тетрадь попадет в чужие руки, злоумышленник подумает, что это, например, незадекларированные доходы. Но цифры нужны были для отвода глаз. Следующие страницы, пустые на первый взгляд, были на самом деле

густо исписаны. Для пушей надежности Макер пользовался симпатическими чернилами. Этот прием был стар как мир, но лучше пока ничего не изобрели; вооружившись перьевой ручкой без чернил, он окунал кончик пера в воду с лимонным соком, и по мере того, как он писал, его исповедь испарялась на глазах. Страницы казались девственно чистыми. Если когда-нибудь ему захочется восстановить невидимый текст, достаточно будет поднести тетрадь к источнику света и тепла, и его история сразу проявится.

Поначалу это упражнение давалось ему с трудом, но вскоре он набил руку, и дело пошло быстрее – даже не видя текста, Макер писал вполне разборчиво. Он открыл тетрадь, по загнутому уголку нашел место, где остановился, и окунул перо в мисочку с разбавленным лимонным соком. Он не заметил тени, съжившейся совсем рядом в темноте парка, – кто-то внимательно наблюдал за ним в окно будуара.

Неизвестный простоял неподвижно больше часа, не спуская глаз с Макаера. Он смотрел, как тот пишет, потом убирает тетрадь в сейф за картиной и выходит из комнаты – наверняка уже спать, учитывая поздний час.

Тогда незнакомец тоже растворился во тьме, бесшумно и незаметно прокрался к ограде и перемахнул через нее. Снег, который валил не переставая, любезно засыпал его следы. Выйдя на шоссе Рют, он сел в машину, припаркованную на обочине. Вокруг было пусто. Он завел мотор, отъехал на достаточное расстояние и остановился, чтобы позвонить.

– Он вернулся и ни о чем не подозревает, – заверил он своего собеседника. – Я даже попросил таксиста, чтобы он поговорил с ним о публикации в газете.

– Отличная идея, спасибо!

– Как вам удалось протолкнуть такую статью? К тому же с фотографией!

– У меня хорошие связи. Бедняга, завтра он рухнет с небес на землю!

В километре оттуда, в доме Эвезнеров, вскоре погасли все окна. Макер заснул сном праведника в своей громадной постели, положив рядом с подушкой прославляющую его статью. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Ему и в голову не приходило, что проблемы только начинаются.

Глава 4

Тревожные новости

Понедельник, 10 декабря, за 6 дней до убийства

6.30 утра. Макер с трудом проснулся по звонку будильника и не сразу сообразил, что он дома. Протрав глаза, он вздрогнул, вспомнив, что произошло в Мадриде. Затем, осознав наконец, что находится в полной безопасности в своей спальне, решил еще немного поваляться. Все шло хорошо.

Ставни он оставил нараспашку и, взглянув в окно, убедился, что еще не рассвело и идет сильный снег. У него не было ни малейшего желания вылезать на мороз. Закутавшись в одеяло, он подумал, что имеет право поспать еще пару минут, и закрыл глаза.

В то же самое время на улице Корратри, в центре Женевы, его секретарь Кристина, образец пунктуальности, переступила порог величественного здания Эвезнер-банка. Она начала тут работать полгода назад и с тех пор приезжала в банк ежедневно в полседьмого утра, когда охранники только открывали двери: во-первых, желая продемонстрировать начальству служебное рвение, но главное, чтобы успеть просмотреть нужные досье до того, как ее начнут дергать и задавать вопросы.

Сегодня, чтобы не застрять на заваленных снегом улицах, она пришла пешком. Надев сапоги и сунув в сумку лодочки, Кристина спустилась из квартала Шампель, где находилась ее квартира, в спящий город.

Клерки из службы приема, все до одного влюбленные в нее, восхищенно смотрели, как она идет в элегантном приталенном пальто по просторному холлу банка, – мало того что красавица, так еще трудолюбивая и преданная делу.

– Доброе утро, Кристина, – приветствовали они ее стройным хором.

– Здравствуйте, – улыбнулась она, вручив им пакет с круассанами из соседней булочной.

Тронутые таким вниманием, молодые люди рассыпались в благодарностях.

– Видели воскресную газету? – спросил один из них, откусив разом половину круассана. – Вы станете секретарем президента!

– Я очень рада за месье Эвезнера, – сказала Кристина. – Он этого заслуживает.

Она направилась к лифтам и поднялась на шестой этаж, в отдел управления активами. В конце длинного коридора с обитыми штофом стенами находилась приемная, ведущая в кабинеты ее боссов – Макера Эвезнера и Льва Левовича.

Приемная была тесной и неудобной. Кроме ее рабочего стола, стоявшего прямо на проходе, сюда с трудом втиснули шкаф и массивный ксерокс. Но Кристина сама пожелала тут обособиться. Во всех отделах банка, включая управление активами, секретари сидели все вместе в просторных комфортабельных офисах. Но она предпочитала находиться поближе к своим непосредственным начальникам.

В банке Кристина быстро стала незаменимой – она вкалывала не покладая рук и никогда не отлынивала от работы. Умная, проницательная, обаятельная. Всегда в чудном настроении, всегда готова оказать услугу. Она умело фильтровала звонки, тщательно сортировала почту, организовывала встречи и следила за расписанием дня.

Лев Левович сразу произвел на Кристину неизгладимое впечатление. Он был одним из самых почитаемых банкиров Женевы. Его ценили за исключительную деловую хватку и одновременно побаивались. Дерзкий обаятельный красавец лет сорока, с киношной внешностью и царственной осанкой. Он был до отвращения безупречен, бесконечно одарен, бегло говорил на десяти языках, вызывая всеобщий интерес и жгучую зависть. Дела своих клиентов он знал

в мельчайших деталях, как никто разбирался в рынках и умел предугадать их движение. Даже когда биржи падали, его клиенты обогащались.

К тому же Левович не был тут своим человеком, то есть не являлся отпрыском женевской знати. Начав с нуля, он упорно трудился и достиг вершин, чем заслужил не только уважение власть имущих, став, впрочем, одним из них, но и симпатию мелких клерков.

Замкнутый и деликатный, он поддерживал вокруг себя атмосферу тайны, никогда не хвастался своими достижениями, предпочитая, чтобы о них сообщали журналисты и любители посплетничать. Будучи персональным советником всяких толстосумов, он водил дружбу с сильными мира сего, приятельствовал с президентами, не забывая при этом о собственном скромном происхождении, и никогда не отказывался выслушать нуждающихся, прийти на помощь неимущим и проявить великодушие к тем, кому это было необходимо.

В Женеве его имя было у всех на устах, и все набивались ему в друзья. При этом Лев был человек одинокий, сам по себе. Он круглый год жил в гигантских апартаментах на пятом этаже роскошного “Отеля де Берг”, на берегу Женевского озера. О личной жизни Левовича никто ничего не знал, друзей рядом с ним никто не видел, единственный, кому он доверял, был его водитель и мажордом Альфред Агостинелли, преданный и надежный. На завидного жениха заглядывались все девушки из высшего света Женевы, а именитые семейства Европы мечтали, чтобы его выбор пал на одну из их наследниц. Но Левовичу, судя по всему, было вообще не до того. Его сердце считалось неприступной крепостью – поговаривали, что он ни разу ни в кого не влюблялся.

Лев Левович приходил в офис каждое утро ровно в семь. Но сегодня без двадцати восемь его еще не было. Притом что он жил в десяти минутах ходьбы от банка, так что снегопад не мог стать причиной его опоздания. Пытаясь найти убедительное объяснение его отсутствию, Кристина предположила, что у него назначена встреча вне банка. Просмотрев расписание своего начальника, она обнаружила, что сегодняшняя страница пуста вплоть до четырех часов, – на соответствующей строке он сам вывел заглавными буквами – она узнала его почерк – загадочные слова: очень важная встреча. Кристина удивилась: как правило, она сама записывала все дела. А это свидание Лев явно добавил в последний момент. Что бы это значило? Она была заинтригована.

Внезапно из коридора донесся чей-то голос, хотя в это время на их этаже всегда бывает безлюдно. Она насторожилась и, чтобы лучше слышать, вышла на цыпочках из кабинета. На лестничной площадке стоял Синиор Тарногол, член совета банка. Видимо, он поднимался пешком в свой кабинет на седьмом этаже и остановился перевести дух. Он говорил по телефону достаточно откровенно, будучи убежден, что в такую рань можно не опасаться чужих ушей.

Кристину он заметить не мог, и она спокойно слушала его разговор.

Она была ошарашена.

Ничего себе новости!

Глава 5

Отпуску конец

В редакции “Нувеллиста” Скарлетт распечатала все статьи, посвященные убийству в номере 622. И выяснила, что преступление так и не раскрыли. В машине по дороге в Вербье она с жаром убеждала меня написать об этом роман.

– В “Паласе” произошло убийство, писатель! С ума сойти! Я прямо вижу – уютная гостиная, все постояльцы отеля под подозрением, полицейский допрашивает свидетелей у пылающего камина.

– Послушайте, Скарлетт, чего вы добиваетесь? Хотите заново открыть дело? Найти разгадку, притом что полиции это не удалось?

– А что такого! Вы лучше, чем полицейский, вы писатель! Мы вместе проведем расследование, и вы напишете роман!

– И не подумаю, – поспешно предупредил я.

– Да ладно... Я уверена, что Бернар заказал бы вам роман об этом преступлении.

– Нет уж, дрянной детектив в мои планы не входит!

– Хватит ворчать! Тут есть даже роман в романе: как мы пришли к заключению, что номер 622 поменяли после того, как там было совершено убийство. Вам что, не интересно, почему консьерж нам вчера солгал?

– Не особенно.

– Ну пожалуйста! А я вам помогу.

– Вы мне поможете? Вы ни одной книги не написали.

– Я буду вашим ассистентом.

– У меня уже есть помощница, и, поверьте, вы бы не захотели оказаться в ее шкуре.

– Значит, теперь у вас две помощницы.

– Я вообще-то в отпуске, мне надо отдохнуть.

– На том свете отдохнете.

– Слушайте, мне некогда. У меня полно дел.

– Неужели? Каких это?

– Сегодня днем, например, я записан на массаж, после чего собираюсь отправиться в спа-салон, погрузиться в джакузи и окончательно разомлеть.

– Отличная программа, писатель! Приведите себя в чувство, наберитесь сил! Чем полнее вы расслабитесь, тем лучше будет ваша книга! Просто скажите, как мне вам помочь.

Выдержав долгую паузу, я наконец удостоил ее ответом:

– Вы должны найти факты, которые позволят нам выстроить эту историю от начала до конца.

Скарлетт просияла:

– Значит, вы согласны!

Я улыбнулся. Конечно, согласен, хотя бы ради того, чтобы провести с ней побольше времени.

Во второй половине дня, пока Скарлетт собирала материалы для расследования, я лениво наслаждался прелестями гостиничной бальнеотерапии. Вернувшись в номер, я обнаружил, что Скарлетт полностью завладела им, прикрепив на стену все статьи о нашем деле, которые ей удалось откопать.

– Как вы сюда попали? – поинтересовался я.

– Попросила администратора открыть мне дверь.

– И он согласился?

– Я представилась вашей ассистенткой. Ассистентка знаменитого писателя, на минуточку! Их аж в дрожь бросило! Лучше посмотрите, что я нашла!

Я сел в кресло, и она показала на лист бумаги с названием: Эвезнер-банк.

– Вам известен Эвезнер-банк в Женеве? – спросила Скарлетт.

– Ну разумеется, это один из крупнейших частных банков Швейцарии. Он находится на улице Корратри.

– А имя Макера Эвезнера вам что-нибудь говорит?

– Нет, но, судя по фамилии, он имеет отношение к банку.

– Браво, Холмс!

Она протянула мне статью из “Трибюн де Женев”, опубликованную за неделю до убийства. Я прочел заголовок:

В СУББОТУ МАКЕР ЭВЕЗНЕР БУДЕТ НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ ЭВЕЗНЕР-БАНКА

– Макер Эвезнер должен был стать президентом банка, – пояснила Скарлетт, – сменив на этом посту своего отца Абеля Эвезнера, умершего годом ранее. Вот только вопреки тому, что говорится в статье – никогда нельзя верить печатному слову, – его назначение вовсе не было предпринято.

– С чего вы взяли?

– Это оказалось непростой задачей, но мне все же удалось припереть к стенке вчерашнего консьержа. Он признался, что на подобные вопросы директор “Паласа” велит отвечать этой байкой про ошибку в нумерации. Ведь убийство в отеле – это дурной тон. А директора мне повидать не удалось, потому что он по чистой случайности отлучился на пару дней. Думаю, они не жаждут, чтобы кто-нибудь совал нос в это дело. Короче, консьерж уже работал “Паласе”, когда произошло убийство. Сначала он твердил, что ничего не помнит, но несколько купюр успешно вылечили его от амнезии. В общем, в то время у Макера Эвезнера был весьма серьезный конкурент в лице Льва Левовича, тоже банкира, довольно блестящего типа, которого в “Паласе” все прекрасно знали. Он был правой рукой Абеля Эвезнера.

– Отца Макера, правильно?

– В точку, – подтвердила Скарлетт. – С нашим консьержем разоткровенничался как-то Эдмон Роз, тогдашний директор “Паласа”, который был, видимо, очень близок с этим Левовичем. В выходные, когда произошло убийство, в отеле царил непривычное оживление.

– Подождите, Скарлетт, – перебил ее я, – мне за вами не поспеть. Какая связь между “Паласом Вербье” и банком?

– Большой уикенд.

– Большой уикенд? Что это такое?

– Это многолетняя традиция Эвезнер-банка. Их ежегодный выездной корпоратив. В декабре все сотрудники банка получали приглашение провести два дня в Вербье. Их расселяли прямо здесь, в “Паласе”. Днем у них было свободное расписание, и все катались на лыжах, гуляли и играли в керлинг. В субботу вечером в бальном зале отеля давали праздничный ужин.

Тут-то и происходили всякие торжественные церемонии и делались официальные объявления о повышении по службе, передаче полномочий или выходе на пенсию.

– Значит, убийство произошло в один из таких корпоративных уикендов?

– Да. И не абы в какой! Смотрите!

Скарлетт показала мне другую статью из “Трибюн де Женев”. Она вышла почти за год до убийства. В ней шла речь о церемонии прощания с Абелем Эвезнером, состоявшейся в начале января в женевском соборе Святого Петра. Под фотографией трех мужчин, иллюстрировавшей статью, я прочел: “Члены совета Эвезнер-банка Жан-Бенедикт Хансен, Орас Хансен и Сিনিор Тарногол”.

– Что еще за совет банка? – спросил я, заметив, что Скар-летт написала эти слова на отдельном листке и повесила его на стену, как будто это что-то важное.

Она победоносно улыбнулась:

– Я задала себе тот же вопрос. И вот что мне удалось выяснить. В то время внутренняя иерархия банка имела форму пирамиды: в основании – простые клерки, чуть выше – начальники отделов, над ними – юридическая служба, следом – менеджеры среднего звена, потом младшие директора и на самой верхушке, над всей этой братией, царил совет банка, состоящий из четырех человек, в том числе вице-президента и президента. Если верить статье, пост президента традиционно переходил от отца к сыну. А это означает, что президентами и вице-президентами неминуемо оказывались отец и сын Эвезнеры, сменяя друг друга из поколения в поколение.

– По логике вещей, Макер Эвезнер должен был стать президентом после смерти отца.

– По логике вещей да. Но взгляните на фотографию трех оставшихся членов совета на похоронах Абеля Эвезнера – Макера среди них нет.

– Почему?

– Не знаю. Но все равно, исходя из информации, которую мне удалось найти в интернете, перед смертью Абель Эвезнер изменил устав. Он поручил совету банка избрать его преемника, дав им на все про все около года. Объявление имени нового президента было назначено на первый Большой уикенд после его смерти, то есть именно на те выходные, когда и произошло убийство.

Глава 6

Президентская гонка

В течение нескольких месяцев, предшествовавших убийству, выборы преемника Абеля превратились в захватывающую сагу, за развитием которой следила вся Женева. Все началось в январе, в первые дни нового года, когда легендарный Абель Эвезнер, возглавлявший банк последние пятнадцать лет, уже в довольно почтенном возрасте умер от рака. Все полагали, что после объявления о его кончине президентство автоматически перейдет Макеру, единственному сыну Абеля. С момента основания семейного банка три столетия назад Эвезнеры передавали бразды правления от отца к сыну.

“Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком” – постоянно слышали сотрудники и клиенты, как будто сам этот факт был гарантией экстраординарного качества банковских услуг. Но на этот раз, незадолго до смерти, Абель Эвезнер указал в своем завещании, что традиция сыновней эстафеты будет похоронена вместе с ним и следующего президента назначат за его заслуги, а не просто за фамилию. Эвезнер-отец с помощью нотариуса расписал всю процедуру в мельчайших деталях. Способ избрания президента банка будет отныне отвечать строгим правилам: 1) на трех членов совета банка возлагается задача избрания четвертого, то есть президента, 2) совет не имеет права выбрать кого-то из оставшейся троицы, ему следует в обязательном порядке назначить нового человека, и, наконец, 3) во избежание спешки решение будет объявлено только во время традиционного Большого уикенда в конце года, и новый президент вступит в должность не ранее 1 января.

Последняя воля Абеля Эвезнера прозвучала как гром среди ясного неба. Это не нарушило работы почтенного заведения, но все стояли на ушах. Многочисленным сотрудникам, от клерков до топ-менеджеров, вдруг почудилось, что им выпал редкий шанс получить доступ на банковский Олимп. И все они засучили рукава, рассчитывая заслужить благосклонность членов совета. Доходы банка мигом подскочили – никто больше не брал отпусков по болезни, а некоторые даже решили не брать отпусков вообще.

Лихорадочное безумие, царившее вокруг выборов преемника, передалось всему городу. Эвезнер-банк считался одной из крупнейших институций Женевы, а его президент входил в число самых видных фигур в городе. Известие о том, что пост президента впервые не займет прямой наследник, будоражило умы.

Шли недели, всеобщее возбуждение достигло апогея. Наконец наступил декабрь. Все гадали, кто же составит компанию Жан-Бенедикту Хансену, Орасу Хансену и Синиору Тарно голу в совете и будет вершить судьбы Эвезнер-банка.

В понедельник, 10 декабря, в пол-одиннадцатого утра, Макер Эвезнер появился наконец на улице Корратри и с гордостью и восхищением взглянул на фасад внушительного здания банка:

БАНК ЭВЕЗНЕР & СЫН ОСНОВАН В 1702 ГОДУ

Он войдет туда с гордо поднятой головой. А как же! В ближайшие дни все будут говорить и думать только о нем. Главное, сохранять хладнокровие и держаться поскромнее. Помнить, что до субботы еще возможны варианты. И, разумеется, даже не заикаться о том, что президентом станет он и это ему давно известно. Скорей бы уже суббота. Еще каких-то шесть денечков, и об этом объявят официально. Терпение.

Макер еще раз восхитился фронтоном родного банка и глубоко вдохнул бодрящий воздух зимнего утра. На снегу сверкали солнечные блики, синева неба слепила глаза.

Он пожалел, что не встал сразу, как проснулся, – думал, закроет на минутку глаза, но тут же снова провалился в сон. Его все ждали, и такое опоздание не пройдет незамеченным. Будущий президент крупнейшего частного банка Швейцарии не может позволить себе так поздно являться на работу. Он и так никогда не был ранней пташкой, но это уже перебор! Сегодня он сошлется на снежные завалы, но даст себе зарок, что в новом году, после официального назначения, будет приходиться в банк одним из первых.

Отворив массивную парадную дверь, всю в позолоте и арабесках, Макер Эвезнер с важным видом проследовал в просторный холл. Он чувствовал, что на него обращены все взгляды. Клерки из службы приема почтительно приветствовали его. “Доброе утро, месье Эвезнер!” – протянули они, чуть склонив головы.

Макер сразу понял, что они смотрят на него иначе. И внезапно ощутил себя важной птицей. Все, с кем он пересекался, поздравляли его, заискивающе здоровались и заговорщически подмигивали. Скоро он станет начальником всех этих людей – отныне их подхалимаж предназначался ему по праву. Самые ревностные льстецы не поскупились даже на “господина президента”.

Он сел в лифт с кучкой подлиз, которые аж извивались от подобострастия. Жалкие холюи! – думал Макер, наблюдая эту пляску святого Витта. Но его не проведешь – некоторые из них переметнулась на его сторону в последнюю минуту, опасаясь поначалу, что совет не утвердит кандидатуру наследника. Он понимал, что порой его не принимали всерьез, особенно после того, как в прошлом году отец принял на смертном одре это решение. Желание *daddy*, чтобы сын прошел процедуру избрания на пост президента вместо того, чтобы просто назначить его самому, в первый момент огорчило его. Лучше бы отец, как все его предшественники на протяжении трех столетий, без затей передал ему власть. Тогда он стал бы президентом прямо сейчас, ну да, а что! Зачем обрекать его на предвыборную тягомотину. Но потом Макер понял, какими соображениями руководствовался отец, выражая свою предсмертную волю: он хотел укрепить его легитимность! Его выберут президентом за талант, а не за фамилию! Это испытание сделает его только сильнее. Отец все предусмотрел.

На шестом этаже Макер, распушив хвост, предстал перед своей секретаршей, ожидая торжественного приема. Но Кристина встретила его с убитым видом.

– Месье Эвезнер, наконец-то! – воскликнула она.

– Что такое, Кристина? – усмехнулся Макер. – Вы будто привидение увидели.

– Не знаю, как вам и сказать...

– Сказать мне что? – спросил Макер с обольстительной улыбкой. – Если вы о моем назначении, то воскресный номер газеты вас опередил.

Макер фыркнул и зашел в свой кабинет, скинув теплое зимнее пальто. Кристина последовала за ним, и поскольку она по-прежнему растерянно молчала, Макер нахмурился:

– Я волнуюсь за вас. Вы так побледнели. Надеюсь, вы здоровы?

Помешкав, она решилась:

– Месье Эвезнер, президентом банка выберут не вас.

– Что вы несете? Вы статью читали?

– Это фальшивка! – пролепетала Кристина. – Президентом будет Лев Левович!

Ее слова ошарашили Макара. Он застыл как громом пораженный.

– Вы это о чем?

– Левович будет избран президентом, – повторила она. – Мне очень жаль.

– Вот гад! – пробормотал Макер.

Он ринулся в кабинет Левовича, чтобы потребовать объяснений, но Кристина его оставила.

– Левович еще не пришел, – сообщила она. – Я пробовала связаться с ним всеми возможными способами, но безуспешно. Я ужасно беспокоюсь, мне необходимо с ним поговорить. Вы не знаете, где он сейчас?

Макер, пытаясь сохранять самообладание, принял безразличный вид:

– Не надо зря обнадеживать бедного Левовича. Он, разумеется, не будет президентом банка. Зачем вы распространяете эти idiotские сплетни? Представьте себе, я в курсе, кто уведомил журналистов – это член совета банка, близкий мне человек, он давно заверил меня, что...

– Это ваш кузен Жан-Бенедикт Хансен? – перебила его Кристина.

– Простите, что? – раздраженно буркнул Макер. Он терпеть не мог, когда подчиненные прерывали его на полуслове.

– Член совета банка и близкий вам человек – это месье Хансен, да? – переспросила Кристина.

– Да, Жан-Бен, – подтвердил Макер. – А что вы имеете против?

– Сегодня утром я слышала телефонный разговор Тарногола с Хансеном. Тарногол убеждал его, что вас нельзя выбирать ни в коем случае, это было бы нарушением последней воли вашего отца. Из-за того, что произошло в Вербье пятнадцать лет назад. Он сказал, что ваш отец так вам этого и не простил и что если бы он хотел, чтобы вас избрали президентом, то сам бы и назначил вас напрямую. Насколько я поняла из их беседы, на заседании в пятницу совет утвердил кандидатуру Левовича.

– Нет, нет и нет, – поспешил возразить Макер. – Жан-Бен никогда не подложит мне свинью.

– Я тоже так подумала, – сочувственно сказала Кристина, – и поэтому дождалась Хансена у двери его кабинета, чтобы задать ему этот вопрос. К сожалению, оказалось, что я все правильно поняла. Я очень сожалею, месье Эвезнер. По-моему, это несправедливо.

Отказываясь верить, что этот ужас может быть правдой, Макер бросился наверх, чтобы расспросить Жан-Бенедикта. Кабинеты директоров располагались на седьмом этаже. В самом конце длинного коридора следовали одна за другой четыре двери. Первая вела в кабинет президента (пустовавший после смерти Абея Эвезнера). За ним находился кабинет вице-президента, который должен был бы уже полтора десятка лет занимать Макер, но вследствие событий пятнадцатилетней давности там хозяйничал Синиор Тарногол, человек сомнительный и загадочный, большую часть своего времени мотавшийся между Швейцарией и Восточной Европой. Затем шли офисы двух других членов совета – Ораса Хансена, представителя младшей ветви рода Эвезнеров, и его сына, сорокалетнего Жан-Бенедикта, ровесника Макара.

Жан-Бенедикт ходил кругами по кабинету и с опаской поглядывал на дверь, ожидая, что к нему с минуты на минуту, как только Кристина все ему расскажет, в ярости ворвется Макер.

– Вот же сучка пронырливая! – выругался вслух Жан-Бенедикт.

Двумя часами ранее, придя в банк, он застал Кристину перед дверью своего кабинета. Стоило ему появиться, как она буквально набросилась на него:

– Это правда? Вы не выберете Макара Эвезнера на пост президента?

Жан-Бенедикт побледнел.

– Откуда вы знаете? – заорал он. – Кристина, черт побери, вы что, шпионите за членами совета? Этого еще не хватало!

– Что за ерунда, – запротестовала Кристина. – Вы бы лучше попросили Тарногола особо не распространяться, если не хотите, чтобы ваши секреты становились общим достоянием. Как вы можете так поступать со своим кузеном?

– Это вас не касается, Кристина, – сухо отрезал Жан-Бенедикт. – Мне кажется, вы выходите за рамки своих полномочий. Поэтому я попросил бы вас помалкивать и ничего не сообщать Макару.

– Хотите, чтобы я заткнулась? И пусть он узнает эту новость в субботу вечером, в присутствии всех сотрудников банка? Какое унижение!

– Все немного сложнее.

– Ну я же не могу вести себя как ни в чем не бывало!

– Почему вы вообще что-либо должны ему докладывать! У вас совсем разум помутился от любви к Макеру, это, в конце концов, непрофессионально! Ради бога, Кристина, попридержите язык! В противном случае вас ждут серьезные неприятности, помяните мое слово.

– Пусть каждый делает то, что считает нужным! – заключила Кристина и демонстративно вышла.

Он проводил ее мрачным взглядом и отвернулся, только когда она села в лифт. Редкая зануда. Ах, как он ругал себя, что согласился взять ее на работу! И все из желания кое-кому услужить. Он сразу нашел ей подходящий пост, прямо как по заказу. Потом она изъявила желание сидеть в приемной под тем предлогом, что не может должным образом исполнять свои обязанности в общем офисе, в окружении всех остальных секретарей. А он во всем ей попустительствовал, любезность проявлял, и вот как она его отблагодарила.

Внезапно дверь кабинета Жан-Бенедикта распахнулась, и на пороге возник Макер.

– Жан-Бен, скажи, что это неправда! Скажи, что совет не выберет Левовича президентом!

– Приношу тебе свои извинения, – огорченно проговорил Жан-Бенедикт, глядя в пол.

В комнате воцарилась леденящая душу тишина.

Потрясенный Макер рухнул в кресло и закрыл глаза, словно не желая смириться с реальностью. Его отстранили от президентства в семейном банке! Какой позор! Какое унижение! Что скажут люди? Что скажет его жена? До сегодняшнего дня он считался в Женеве большим человеком только потому, что был наследником Эвезнер-банка. Но теперь, когда его кинул отец, кинули партнеры, он превратится в посмешище всего города. Его мир рухнул. Прощайте, почести и подхалимаж. А он уже воображал, как в парадном зале совета директоров – святая святых банка – его портрет воцарится рядом с портретом его предка, Антиоха Эвезнера. Интересно, что бы сказал Антиох обо всем этом.

Антиох Эвезнер основал Эвезнер-банк в Женеве в 1702 году, для коей цели он решил одолжить денег у младшей ветви семейства, этих ужасных кузенов Хансенов, а у них, как известно, зимой снега не выпросишь. Они бежали из Франции в Швейцарию после Варфоломеевской ночи, но Эвезнер считал, что лучше бы уж их тогда прикончили, потому что вместо того, чтобы просто дать ему ссуду, они потребовали взамен долю в банке.

Поэтому у Антиоха не оставалось другого выбора, кроме как согласиться с требованием Хансена, сохранив за собой контрольный пакет. Но, не доверяя ему и опасаясь путча, Антиох решил создать совет банка и передал почти половину своей доли сыну Мельхиору, чтобы на законном основании ввести его в совет в качестве вице-президента банка, выучить премудростям ремесла и таким образом обеспечить ему пост главы банка после своей смерти. Но кузен Уилфрид, хоть и младший партнер, чтобы не оказаться одному против двух Эвезнеров, пошел тем же путем, отдав половину своей доли старшему сыну, который тоже вошел в совет. После чего, в надежде положить конец междоусобной войне, наносившей значительный ущерб репутации банка, Антиох и Уилфрид договорились, что в совет войдут только четыре человека, владеющие всем уставным капиталом: два Эвезнера (отец и сын), держатели контрольного пакета, и два Хансена – как младшие партнеры, которые в качестве компенсации за второстепенный статус будут получать щедрые дивиденды. Это решение позволило Эвезнерам сохранить полный контроль над банком, из поколения в поколение передавая паи от отца к сыну, тогда как Хансены, побочная ветвь рода, навсегда остались на заднем плане.

В течение десяти поколений, благодаря завидной семейной плодовитости, Эвезнерам удалось ни разу не нарушить порядок передачи власти, установленный в 1702 году Антиохом, поскольку у каждого президента имелся хотя бы один отпрыск мужского пола (патриархат, никуда не денешься). Вот и Огюст, дед Макера, став президентом банка, назначил вице-президентом своего сына Абеля, отца Макера. Когда дедушка Огюст умер, Абель, понятное дело, передал пост вице-президента своему единственному сыну Макеру, двадцати шести лет от роду.

Это случилось полтора десятилетия назад, но Макер все как сейчас помнил. К тому времени Большой уикенд в “Паласе Вербье” стал уже многолетней традицией, и перед субботним балом, который считался кульминацией уикенда, он в торжественной обстановке получил из рук отца полагающуюся ему долю акций, что, согласно правилам, установленным триста лет назад Антиохом Эвезнером и Уилфридом Хансеном, возводило его в ранг вице-президента.

Но Макеру Эвезнеру не пришлось позаседать в совете банка, поскольку у него возникла дурацкая идея – никто так и не понял, с чего вдруг – уступить свою долю некоему Синиору Тарноголу, мутному бизнесмену родом из Санкт-Петербурга, пожелавшему заняться инвестициями в Швейцарии. Абель Эвезнер, узнав эту новость, разумеется, сделал все возможное, чтобы выкупить акции сына. Сначала он оспорил сделку в суде, но безуспешно, поскольку она была оформлена по всем правилам. Тогда Абель попытался договориться с Тарноголом, предложив за драгоценные акции астрономическую сумму, но тот отказался. В результате Тарногол вошел в совет вместо Макера, к тому же в должности вице-президента, нарушив таким образом трехсотлетний порядок, установленный Антиохом Эвезнером, который предусмотрел все, чтобы обеспечить главенство своей фамилии в банке, – все, за исключением вероятности, что кто-нибудь из Эвезнеров осмелится однажды продать свою долю.

Голос Жан-Бенедикта вернул Макера в печальную действительность.

– Левович лучше справится с управлением, – заявил он. – Да и факты налицо – он добивается блестящих результатов, и клиенты его обожают.

– У меня был неудачный год, это правда, – признал Макер, – но тебе прекрасно известно почему. В январе умер отец, решив в последний момент не назначать меня своим преемником напрямую...

– Либо просто не назначать тебя своим преемником, – отважился Жан-Бенедикт.

– Что ты имеешь в виду?

– Вряд ли отец простил тебе твою выходку пятнадцатилетней давности. Какая муха тебя укусила?

– Не важно, ты не поймешь.

– Но ведь рано или поздно ты мне все расскажешь? Ты вообще соображаешь, что натворил? Ты нарушил пакт Эвезнеров, продав свои акции!

– А ты мне врал весь год, – перешел в атаку Макер, – уверяя, что совет выберет меня президентом. А сам вонзил мне нож в спину! Я думал, мы друзья!

– Я не предавал тебя, Макер! – воскликнул Жан-Бенедикт. – Я никогда тебе не врал! Ты мой родственник и друг, ты что! Уже в январе совет решил, что ты займешь место отца. Мы все были за тебя. Никому и в голову не приходило, что кто-то другой может стать президентом. Не только из уважения к традициям, но и для того, чтобы клиенты лишней раз убедились в стабильности банка. Но проблема в том, что твои показатели неуклонно снижались. В течение всего года. Я, как мог, старался помочь тебе, я защищал тебя с пеной у рта! В июне, когда члены совета забеспокоились, ознакомившись с твоими промежуточными результатами, я нанял тебе персональную ассистентку!

– Мне и Левовичу! – уточнил Макер.

– Не надо, ты прекрасно знаешь, что Кристину взяли лично для тебя в надежде, что с ее помощью ты выкарабкаешься. А чтобы тебя не унижать, мы сделали вид, что она должна работать с вами обоими, учитывая, что у вас полно клиентов.

– Но ведь Левович использует ее в хвост и в гриву!

– Ну, ты и козел! – разозлился Жан-Бенедикт. – Ты даже с секретаршей разобратся не в состоянии, а хочешь, чтобы тебе целый банк доверили!

Его злобная вспышка совсем выбила Макера из колеи.

– Но на прошлой неделе, – глухо сказал он, – после заседания совета, ты заверил меня, что президентом буду я.

– В прошлую среду совет тебя и выбрал, – подтвердил Жан-Бенедикт, – я ничего не придумал.

– Так что случилось?

– В пятницу утром Синиор Тарногол попросил нас с отцом о встрече. Типа у него что-то срочное. И предъявил нам целое досье на тебя.

– Досье? И что же в нем оказалось?

– Твои итоги года – катастрофические. И письма недовольных клиентов. Многие из них сменили менеджера, а то и вообще ушли в другой банк, Макер! Мы ничего об этом не знали.

– Слушай, Жан-Бен, я облажался, год у меня был плохой, я уже говорил. Но до сих пор вся моя карьера была безупречной! Я главный управляющий активами этого банка.

– Вы с Левовичем – главные управляющие активами, – уточнил Жан-Бенедикт. – Но тебе и в лучшие годы было до него далеко. Короче, Тарногол показал нам твои цифры, заявил, что все обдумал и считает, что мы совершим непростительную ошибку, если, несмотря ни на что, выберем тебя президентом, хотя на самом деле впору бить тревогу. Попенял нам, что мы утвердили твою кандидатуру из уважения к традициям, наплевав на интересы банка. Раз даже твой отец не доверил тебе руководство, значит, у него были на то основания. Поэтому президентом следует избрать Льва Левовича.

– И ты меня не отстоял?

– Я старался.

– Ты бы хоть намекнул! Почему я узнал это только сегодня утром от своей секретарши?

– Я пытался тебя предупредить, – принялся оправдываться Жан-Бенедикт. – В пятницу ты весь день отсутствовал, и дозвониться тебе я не смог.

– Я был в отъезде.

– По делам банка?

– Да.

– И где же?

Макер, опасаясь подвоха, предпочел сказать правду:

– В Мадриде.

– У тебя нет испанских клиентов, Макер. Это, кстати, один из самых важных пунктов в досье Тарногола: он выяснил, что ты уже долгие годы разъезжаешь за счет банка по странам, где у тебя нет клиентов.

Тремя днями раньше

В зале совета Орас и Жан-Бенедикт ошарашенно смотрели на бумаги, разложенные Тарноголом на столе, тут были десятки страниц, взятые им из бухгалтерии банка.

– Я не хотел ничего вам сообщать, пока не собрал все данные, – сказал Тарногол. – А то вы бы подумали, что я организовал кампанию по дискредитации Макера. Но дело серьезное.

Человек, которого вы намерены назначить на пост президента, в течение многих лет обворовывает банк, оплачивая себе дорогие поездки по Европе без всяких на то оснований.

– Вы говорили об этом с Макером? – спросил Жан-Бенедикт.

– Хорошо бы он был сейчас тут с нами и объяснил свое поведение. Но сегодня он не пришел на работу. Макер в Мадриде, а знаю я это потому, что, как вы можете убедиться, взглянув на эту распечатку, банк оплатил ему авиабилеты бизнес-класса и аренду квартиры на выходные. Но у Макера никогда не было клиентов в Мадриде. Он не говорит ни слова по-испански. Посмотрите на предыдущие годы: Лондон, Милан, Вена, Лиссабон, Москва, Копенгаген и так далее. Речь идет об астрономических суммах.

Орас и Жан-Бенедикт углубились в изучение документов, постепенно осознавая размах понесенных убытков.

– А у него губа не дура, – с отвращением хмыкнул Орас. – Оплачивает себе люксы в “Гранд Бретань” в Афинах, в мюнхенском “Байеришер Хоф”, в “Плаза Атене” в Париже.

– И уезжает всегда на выходные, к его услугам лучшие отели и рестораны, – добавил Тарногол. – Макер запустил руку в кассу и отлично проводит время!

– Почему же никто ничего не замечал? – спросил Орас.

– Как вы понимаете, сотрудник бухгалтерии не станет придирается к будущему президенту банка, выясняя, обоснованны ли его счета на возмещение расходов, – ответил Тарногол. – Себе дороже! Поверьте, они догадывались, что дело нечисто, но держали язык за зубами.

– Может, Макер ведет двойную жизнь? – предположил Жан-Бенедикт. – Изменяет Анастасии?

– Какая разница, – возразил Орас. – Макер волен распоряжаться собой как угодно, но деньги банка ему не принадлежат. Он нас обокрал.

– Правильно ли я понимаю, что вы измените свое решение? – спросил Тарногол.

– О да! – кивнул Орас. – Лично я голосую за Льва Левовича! Хватит Эвезнерам гулять по буфету!

От рассказа кузена Макера прошиб холодный пот. Ездить за счет банка было, конечно, грубейшей ошибкой.

– О чем ты вообще думал?

– Я все возьму! – воскликнул Макер. – До последнего цента. Организуй мне встречу с Тарноголом и отцом, я им все объясню.

– На твоём месте я бы повременил. Утром я говорил с ними обоими по телефону. Статья в “Трибюн” о твоём назначении не слишком их обрадовала, как ты понимаешь. Зачем ты похвастался журналистам, не получив подтверждения?

– Я? – Макер совсем отчаялся. – Ну не я ведь звонил в газету, в конце концов! Зачем бы я стал это делать?

– Не знаю. Все равно надежды на благополучный исход у тебя мало.

– Побойся бога, я Эвезнер! – вскричал Макер. – На фронтоне этого банка стоит моя фамилия.

– Не продай ты свои акции Тарноголу пятнадцать лет назад, сегодня стал бы президентом. Пеняй на себя!

Макер мрачно взглянул на кузена: этот жополиз Жан-Бен будет еще его жизни учить! Подумать только, когда Жан-Бенедикт пришел в банк, он, Макер, взял его под свое крыло. Он всегда был рядом, всегда помогал ему, выручал с клиентами, когда показатели падали и приходилось мухлевать. Но стоило деду Хансену помереть, как Жан-Бенедикт помчался на

верхний этаж, поскорее занять второе место Хансенов в совете директоров. И вот теперь его сиятельство ходит гогаем по коридорам банка!

Макер еле удержался, чтобы не прикрикнуть на него, но подумал, что ему теперь следует вести себя осмотрительнее. Лучше сблефовать.

– Что ты себе навоображал, Жан-Бен? Что я сдамся? Ты плохо меня знаешь! Я опротестую выборы. По-твоему, я сидел сложа руки целый год, ожидая, пока меня соблаговолит избрать? И вот так, за здорово живешь, вверил свою судьбу Тарноголу и тебе с отцом? Я давно уже принял меры.

– В каком смысле “принял меры”? – спросил Жан-Бенедикт, и в его голосе послышалась тревога.

Макер свысока посмотрел на кузена и многозначительно промолчал. Во-первых, чтобы сообразить, что ответить, а главное, чтобы насладиться своим превосходством, которое он всегда ощущал в обществе Жан-Бена.

– С моей стороны было бы неосторожно с тобой откровенничать, – наконец изрек он. – Ладно, будь здоров!

Он сделал вид, что уходит, и, как он и предполагал, кузен удержал его.

– Подожди, Макер. От меня ты можешь ничего не утаивать. У тебя никогда не было причин во мне сомневаться. Я собирался сегодня все тебе рассказать. С самого начала года именно я изо всех сил защищаю тебя на заседаниях совета.

Макер кивнул, словно его убедили слова Жан-Бена. И бросил ему небрежно:

– В банке будет чистка.

– Чистка? Мне очень не нравится это слово, – забеспокоился Жан-Бенедикт.

– И правильно не нравится, – ответил Макер, еще глубже увязая во лжи. – К твоему сведению, уже скоро год, как мои адвокаты создали рабочую группу. В обстановке полной секретности они тщательно изучили ситуацию и придумали способ оспорить последнюю волю моего отца. Представь, они нашли лазейку: его завещание не имеет никакой юридической силы! Независимо от того, что решит твой говенный совет, мне достаточно будет передать дело в суд, и голосование признают недействительным. Я стану мажоритарным акционером банка, а значит, и президентом.

– Что ж ты молчал?

Макер сардонически ухмыльнулся:

– Во-первых, я надеялся, что совет сохранит мне верность, тогда мы могли бы позволить себе переходный период, действуя исключительно в интересах банка. Зачем попусту шум поднимать. Кроме того, мне хотелось понять, кто на самом деле мне предан, а кто готов нанести удар исподтишка. Так что твоему отцу и Тарноголу недолго осталось надо мной потешаться, как только я приду к власти, они оба у меня вылетят из банка, и с ними заодно вся прочая гнусь, те, кто кинул меня после смерти отца и проявил ко мне неуважение. Вот тебе и чистка!

– Я всегда тебя поддерживал, – напомнил Жан-Бенедикт, рассчитывая выйти сухим из воды.

– Я в курсе, дорогой кузен. Не волнуйся. Но тебе надо еще немного потрудиться, чтобы я дошел до самого верха.

Жан-Бенедикт задумался:

– Все это еще вилами по воде писано. У тебя один конкурент – Левович, правда, чаша весов явно склоняется в его пользу. Но кто знает. Окончательное решение будет принято советом только в субботу, поздно вечером, в “Паласе Вербе”. До тех пор возможны варианты.

В его словах Макару почудился проблеск надежды, и он сказал уже увереннее:

– Если я правильно понимаю, у меня еще есть пять дней, чтобы убедить Тарногола проголосовать за меня! – Если тебе удастся убедить Тарногола, – подбодрил его Жан-Бенедикт, – считай, победа у тебя в кармане. Мой отец присоединится к его голосу. А уж во мне можешь не

сомневаться. Небо над головой Макара внезапно прояснилось – ему надо всего-то уговорить одного человека, и его изберут единогласно. – Спасибо за поддержку, дорогой Жан-Бен, – проговорил Макар неожиданно великодушным тоном и отправился к себе в кабинет, чтобы подумать в тишине, как подступиться к Тарно голу. Войдя в приемную, он увидел, что Кристина одевается, очевидно собираясь выйти. – Вы куда? – В “Отель де Берг”. У меня по-прежнему нет никаких известий от Левовича. Исчезать без предупреждения не в его правилах. Дозвониться ему невозможно. Я даже связалась с консьержем отеля, но он уверяет, что в номере никто не отзывается и он не видел, чтобы Лев выходил сегодня утром. Как в воду канул. Консьерж отказывается заходить в его апартаменты, говорит, “такова политика нашего отеля”. Вдруг с ним случилось что-то ужасное... При упоминании “чего-то ужасного” лицо Макара просветлело. Если Левовича хватил удар прямо в ванной, ему незачем переубеждать Тарно гола, он и так станет президентом. Все-таки жизнь прекрасна. Макар чуть было сам не бросился в отель, чтобы лично обнаружить скрюченное тело на мраморном полу. Спокойно. Надо, чтобы Лев остался как минимум парализованным до конца жизни. Ни к чему сразу вызывать “скорую”. Макар взглянул на часы – они показывали четверть двенадцатого – и подумал, что Левовичу неплохо бы провалиться без движения еще часок по крайней мере. – Никуда вы не пойдете, Кристина, – сказал он. – Вы мне нужны здесь, сейчас не время отправляться на прогулку.

Она неохотно сняла пальто. Лучше бы она соврала, что спешит к врачу. Типичная ошибка дебютантки. Она собралась было послать коллегу проверить, что происходит в отеле, но не решилась: если о ее инициативе станет известно, ей не поздоровится. Это не входит в ее секретарские обязанности.

Макар заметил ее тревогу:

– Я обещаю вам, что, если к полудню от Левовича не будет новостей, я сам пойду туда и потребую, чтобы мне открыли его номер. А теперь за работу!

Кристина кивнула. Пришлось подчиниться. Она разобрала утреннюю почту, начав с ежедневных газет, которые получал Левович: “Файнэншл таймс”, “Фигаро”, “Нойе фрайе прессе”, “Коррьере делла сера” и “Трибюн де Женев”, где, мельком взглянув на первую полосу, она прочла, что сегодня в ООН состоится конференция по делам беженцев при участии президентов и премьер-министров многих стран мира.

Затем она взялась за письма и, ознакомившись с их содержанием, зарегистрировала, написав на конвертах дату.

Она принесла почту Макару, и тот с тревогой уставился на две внушительные стопки, которые Кристина пополняла каждый день. Жан-Бенедикт, конечно, прав – в этом году он палец о палец не ударил. Расслабился. Пора возвращаться в строй. Причем не откладывая. Если Тарно гол узнает, что он даже на письма не отвечает, или, не дай бог, зайдет к нему и увидит кучу неразобранной корреспонденции, его песенка спета.

В открытую дверь кабинета Кристина с нежностью смотрела на своего начальника. Она очень привязалась к Макару Эвезнеру. Такой доброжелательный, преданный делу, правда, слегка пресыщенный, как все те, кому не пришлось бороться за место под солнцем. Макар благодаря одной лишь своей фамилии мгновенно взлетел по карьерной лестнице и вскоре стал управляющим активами, без всякого испытательного срока и к тому же в тот благословенный период, когда большую часть работы за него выполняли фондовые рынки.

Кристине стало жаль Макара. Он такого не заслужил. Главное, он не заслужил отказа в избрании на пост президента. Он же такой мягкий, приветливый человек. Неизменно любезен, охотно делает комплименты, всегда всем доволен. Она хорошо к нему относилась.

Она никак не ожидала, что Лев и Макар так очаруют ее, каждый по-своему. Но ей приходилось себя сдерживать. Жан-Бенедикт нанял ее по вполне определенной причине, и ей не следует об этом забывать и выходить за рамки должностных обязанностей. Работа прежде всего.

Ровно в полдень Макер возник на пороге кабинета, запахивая длинное зимнее пальто.

– Ну, я пошел, – провозгласил он, как будто отправлялся на опасное задание.

– Я с вами, – решительно заявила Кристина, вставая.

– Нет, – осадил ее Макер. – На всякий случай оставайтесь на рабочем месте. Я сообщу, как только что-то узнаю.

Макер вышел из банка и по улице Корратри направился к площади Бель-Эр. Потом зашагал по набережной Безансона Юга к пешеходному мосту Де Берг. Он остановился, любуясь заснеженным пейзажем – в озере отражалось голубое небо, над городом сверкали горы, за островом Руссо взмывал, словно боевое знамя, султан женевского фонтана. “Отель де Берг” стоял на другом берегу. Макер восхищенно взглянул на величественное строение. Даже не догадываясь, что там сейчас происходит.

Глава 7

Слуга Конфедерации

На пятом этаже “Отеля де Берг”, в люксе номер 515, который он занимал круглый год, Лев Левович завязывал галстук, глядя в окно на простирившееся перед ним Женевское озеро.

Он был в растерянности. Он думал о ней. Он только о ней и думал. Интересно, она провела с ним выходные, потому что действительно любит его или просто от скуки.

Лев поправил пиджак своего костюма-тройки. Посмотревшись в зеркало, убедился в безупречности виндзорского узла на галстуке и заодно восхитился собственной вызывающей красотой. На серебряном подносе стоял кувшинчик с фильтрованным кофе. Лев налил полную чашку, но позволил себе всего один глоток – он и так уже опаздывает, пора бежать. Он взял корзинку с круассанами и направился в ванную комнату.

В огромной ванне нежилась молодая женщина, задумчиво глядя в окно на городской пейзаж. Она приняла решение. Она безумно влюблена в него, но ей лучше его бросить, пока все не зашло слишком далеко. Сколько ж можно изменять мужу. Если об их романе станет известно, он будет страшно унижен, да и Льву не избежать неприятностей в банке. Он столько трудился, чтобы достичь вершин. Придется немедленно с ним порвать. И спасти три жизни. Это разобьет ей сердце, но так надо ради их общего блага.

В этот момент к ней зашел одетый с иголки Лев. Она невольно им залюбовалась. Поднос с кофе и круассанами он поставил на бортик ванной.

– Завтрак подан, мадам, – улыбнулся он. – Но, учитывая поздний час, могу, если хочешь, сразу заказать обед. К сожалению, мне надо спешить, я и так страшно опаздываю. Оставайся тут, сколько хочешь. Будь как дома.

Она обратила на него взгляд своих голубых глаз и сухо сказала:

– Все кончено, Лев.

Он очень удивился:

– Что ты имеешь в виду, Анастасия?

– Что я тебя бросаю. Все кончено.

Левович встретил ее слова беззаботным смехом.

– Ты не имеешь права так со мной поступить, – изумился он.

– Почему это?

– Потому что мы любим друг друга, – ответил он, словно это само собой разумелось. – Мы всегда любили друг друга. Мы любим друг друга так, как никогда никого не любили. И эта любовь – единственный смысл нашей жизни.

Он не возразила, только раздраженно отмахнулась от него:

– У меня есть муж! Зачем причинять ему страдания. Не могу же я по твоей прихоти проводить все выходные у тебя в номере! Нас в конечном итоге застукают, и весь город будет в курсе. Ты знаешь, как быстро тут распространяются сплетни! Потом неприятностей не оберешься.

Он скорчил презрительную мину:

– Плевал я на неприятности. Наша любовь важнее моей карьеры!

Анастасия почувствовала, что он побеждает и рано или поздно она сдастся. Тогда она постаралась ранить его побольнее.

– Какая любовь? Я не люблю тебя, Лев. Если бы я любила тебя, я бы обручилась с тобой пятнадцать лет назад.

Он промолчал, оторопев. Затем произнес ровным голосом:

– Я предлагаю поужинать сегодня вечером и все спокойно обсудить.

– Нет-нет! Мы больше не увидимся! Я от тебя уйду! Ты меня слышишь? С меня хватит!

– Это был не вопрос, а утверждение. Я с нетерпением буду ждать нашей встречи. Допустим, здесь, в восемь вечера?

– Я сказала – нет! – воскликнула Анастасия.

Она вышла из ванны, как всегда восхитив Льва своим бесподобным телом, и завернулась в халат. Взяв с туалетного столика мобильник, она набрала номер мужа, и тот мгновенно ответил. Она постаралась, чтобы ее голос звучал нежно и влюбленно.

– Как ты? – спросила она. – Да, я тоже ужасно соскучилась... Выходные?... Нет, плохо. Больше я эту подругу видеть не хочу... Не важно, расскажу. Слушай, давай устроим романтический ужин сегодня вечером... Ресторан выбери сам, устрой мне сюрприз... Я тоже... До встречи, я страшно рада.

Анастасия нажала на отбой, с вызовом взглянув на своего любовника.

– Сегодня ты ужинаешь один, Лев, – сказала она. – Как ты слышал, мы с мужем идем в ресторан.

Лев и бровью не повел.

– До вечера, Анастасия. В восемь у меня. Я рад, что через несколько часов увижу тебя снова.

С этими словами он вышел из номера и спустился в лобби, где его ждал Альфред Агостинелли, его водитель.

– Привет, Альфред, – дружески окликнул его Лев. – Как дела?

– Я в порядке, спасибо, – ответил Агостинелли, провожая его к машине. – А вы?

– Я на седьмом небе от счастья, Альфред. Я влюблен по уши.

– Вы? – засмеялся Агостинелли. – А кто уверял меня, что любви не существует и вы никогда ни в кого не влюбитесь!

– Она потрясающая!

Альфред завел мотор, и машина выехала на набережную как раз в тот момент, когда Макер подошел к отелю, чудом разминувшись с ними. Агостинелли спросил:

– В банк?

– Нет, дорогой Альфред, во Дворец Наций. Там начинается Генеральная конференция ООН по делам беженцев. Только сначала я позвоню Кристине. Я совсем забыл предупредить ее, что утром меня не будет в офисе. Бедняжка, наверное, места себе не находит.

– Генеральная конференция ООН по делам беженцев, – повторила вслух Кристина, как будто это было в порядке вещей, и повесила трубку.

Левович только что позвонил – он замотался и забыл предупредить ее. А она-то разволновалась как дура. Ведь она прочла об этой конференции на первой полосе “Трибюн де Женев” и могла бы сообщить, что Левович туда пойдет.

Она сразу же позвонила Макеру на мобильный, вовремя перехватив его – он как раз поднялся на шестой этаж отеля в сопровождении консьержа, которого уговорил открыть апартаменты Левовича.

– Ложная тревога, – сказала Кристина, – все нормально. Я только что говорила с Левовичем, он в ООН.

– Вот видите, зря вы беспокоились! – жизнерадостно ответил Макер. – А я уже как раз подходил к его номеру.

Макер сделал знак консьержу, что загадка разрешилась, и они пошли назад.

– У вас явно улучшилось настроение, месье Эвезнер, – заметила Кристина.

– Сегодня вечером у меня романтический ужин с Анастасией, – объяснил он довольным голосом. – Могу ли я попросить вас забронировать нам столик в “Золотом льве”? На двоих, с видом на озеро!

Макер и консьерж шагнули в лифт. В ту секунду, когда дверцы кабины закрылись за ними, в нескольких метрах оттуда распахнулась дверь и из номера Левовича вышла Анастасия.

В лифте Макер смотрел на консьержа с плохо скрываемым чувством превосходства, хоть и старался держаться с нарочитой доброжелательностью. Он ощущал себя важной персоной. Он, будущий президент Эвезнер-банка, ведет жену ужинать в “Золотого льва”, один из лучших ресторанов Женевы. Им зарезервирован столик с потрясающим видом на озеро. Когда они войдут в зал, все наверняка на них обернется.

Он приободрился, словно уже уговорил Тарногола назначить его на пост президента. Настало время обеда, и Макер зашел в бар отеля. Как раз в ту минуту, когда Анастасия появилась в холле и поспешно покинула “Отель де Берг”.

Макер попросил, чтобы его посадили в стороне: ему надо было спокойно все обдумать и разработать план действий по обработке Тарногола. Он вспомнил все свои тайные подвиги за истекшие двенадцать лет и признался себе, что из-за Эвезнер-банка в очередной раз зашел в тупик. Во всем виноват отец. По его милости он теперь дважды в неделю ходит на сеансы психоанализа. Отец его ни в грош не ставил. Когда, год назад, он лежал на смертном одре, Макер чуть было не открыл ему свой секрет. Чтобы тот понял наконец, кем его сын является на самом деле. Но в последнюю минуту он сдулся. Из опасения, что отец ему просто не поверит. С тех пор Макер постоянно жалел об этом и мысленно прокручивал сцену, которой не суждено было состояться. Он бы прошептал ему: “Видишь ли, папа, я уже двенадцать лет работаю не только в банке. Я живу двойной жизнью, и о том, что я собираюсь тебе рассказать, никто даже не догадывается”.

Он воображал ошеломленное лицо отца, узнавшего его тайну.

Размышляя об этом, Макер машинально наблюдал за другими посетителями бара и даже повеселел при мысли, что им и невдомек, что за внешностью спокойного элегантного банкира скрывается сотрудник швейцарских спецслужб. Его история вполне тянула на шпионский роман. Он подумал, что его тетрадь с заметками станет отличным подспорьем для мемуаров. Их издадут, когда он состарится и покинет пост президента, но обязательно при жизни, чтобы он мог сполна насладиться фурором, который непременно произведет его книга. Он представил себе заголовки в прессе: “Макер Эвезнер, президент банка и тайный агент”.

Но Макер быстро спустился с небес на землю. Ему не позволят ничего предать огласке.

Последние двенадцать лет под видом заграничных командировок он выполнял разведывательные миссии по заданию швейцарского правительства. Точнее говоря, он работал на секретное подразделение *P-30* при Министерстве обороны, получавшее финансирование из черной кассы и о существовании которого никто не подозревал – в том числе могущественная парламентская комиссия по разведке, – так как оно подчинялось напрямую Федеральному совету.

P-30 было создано в рамках секретной программы, запущенной НАТО во время холодной войны. Опасаясь вторжения в Западную Европу войск Варшавского договора, некоторые участники альянса создали собственные засекреченные агентурные сети из гражданских лиц, специально подготовленных для организации сопротивления в случае оккупации силами Восточного блока. Во многих государствах, от Португалии до Швеции, создавались спящие ячейки секретных военизированных структур, таких как *ЛОК* в Греции, “Гладио” в Италии, “План Парсифаль” во Франции, Комитет *P* в Бельгии и, наконец, *P-26* в Швейцарии.

Швейцарское правительство, вдохновившись этой моделью, решило применить ее для защиты своих интересов за рубежом. Так было сформировано *P-30*, задача которого заключалась в отправке в соответствующие страны гражданских лиц с разведывательными миссиями.

Если агенту спецслужб приходилось изобретать себе легенду с нуля, что всегда было сопряжено с трудностями и риском попасться в ловушку, то обычные граждане, завербованные *P-30*, проводили секретные операции у всех на виду, не прибегая ко всяким ухищрениям и не придумывая себе псевдонимов, так как лучшим прикрытием служило само их реальное существование.

Макер, будучи банкиром, под предлогом рабочих встреч мог разъезжать по миру, не вызывая подозрений.

Макера определили в экономический отдел *P-30*, там он занимался сбором ценной информации о намерениях европейских государств, которым надоело, что их граждане уклоняются от уплаты налогов, скрывая деньги в сейфах швейцарских банков. Это щекотливое дело было поручено *P-30*, поскольку речь шла, как правило, о соседних странах-союзниках, с которыми Швейцария совершенно не собиралась ссориться, засылая туда агентов официальных спецслужб.

Таким образом, Макер мотался по Европе, участвуя во всевозможных коллоквиумах и конференциях, посвященных новой регламентации банковской деятельности, офшорам или, например, различным формам международного налогового сотрудничества. Он слушал, отмечал, записывал. В перерыве между докладами завязывал знакомства с высокопоставленными чиновниками, послами, бизнес-юристами и местными налоговиками. Макер ничем не рисковал: если вдруг его в чем-нибудь заподозрят и вызовут на допрос в полицию, то сочтут обычным менеджером, стремящимся расширить свою клиентскую базу. Ни тебе государственных скандалов, ни дипломатических инцидентов, которые могли бы запятнать репутацию Швейцарии, страны любезных и воспитанных людей, гаранта международных конвенций, родины ранних пташек и трудоголиков.

Даже в случае более тщательного расследования связь между Макером и какими-либо государственными службами установить бы не удалось – в целях безопасности и анонимности единственным его связующим звеном с *P-30* был куратор, некто Вагнер, родом из Берна, с жутким тамошним выговором, и встречались они в людных местах. Кроме того, Макер понятия не имел ни как функционирует *P-30*, ни где именно находится его штаб-квартира в Берне. Это была совершенно закрытая организация, не поддающаяся обнаружению извне. Для Макера его авантюра с *P-30* началась в обстановке строжайшей тайны, в комнате для переговоров Эвезнер-банка, куда Вагнер, выдавая себя за нового клиента, пришел с ним познакомиться и завербовать его. Вагнер тогда появился в банке в первый и последний раз. В тот день, когда они остались одни, он объяснил, что вовсе не собирается открывать счет, и назвал представителем швейцарского правительства.

– Родина нуждается в вас, – заявил он Макеру. – Вы должны оказать нам небольшую услугу.

Вагнер ограничился разговором об услуге, даже не упомянув, само собой, ни *P-30*, ни что-либо еще. Выяснилось, что между Великобританией и Швейцарией назревает дипломатический конфликт.

Проживающий в Лондоне индийский алмазный дилер Ранджит Сингх подозревается Скотленд-Ярдом в отмывании денег, полученных от торговли оружием под прикрытием своей компании.

Англичане, предполагая, что деньги проходят через счета в Эвезнер-банке, оказывают на Швейцарию закулисное давление с целью не просто получить подтверждение своей версии, но, прежде всего, добиться доступа к информации об определенных трансферах.

Берн не мог официально требовать от банка сведений о клиентах – речь шла об авторитете всей банковской индустрии Швейцарии. Но отказ в помощи международному расследованию по делу об отмывании денег негативно сказался бы на репутации Швейцарии как финансового центра. С другой стороны, ничто не мешало англичанам получать эти данные от анонимного третьего лица – таким образом и волки будут сыты, и овцы целы.

Поняв намек и желая помочь родному правительству, Макер обещал порыться в банковских файлах и передать Вагнеру копии выписок со счетов торговца бриллиантами.

Операция “Бриллиантовая свадьба”, как ее окрестили, успешно завершилась. Пару дней спустя Макер прочел на первой полосе “Трибюн де Женев”:

МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРУЖЕЙНЫМ ТРАФИКОМ РУЛИЛИ ИЗ ЖЕНЕВЫ

Вчера силами Скотленд-Ярда в Лондоне был арестован крупный международный торговец оружием. Под видом бриллиантового дилера подозреваемый проводил деньги через один частный женеvский банк. Его счета заморожены.

Жан-Бенедикт немедленно явился в кабинет Макаера с газетой в руке.

– Ты это читал? – спросил он.

– Читал.

– Ты только представь, оказывается, это наш банк!

– Да ладно? – удивился Макер.

– Вот тебе и ладно! Федеральная полиция проинформировала совет о создавшейся ситуации несколько недель назад. Я не мог, разумеется, ничего тебе сказать, операция была засекречена.

– Конечно, засекречена, – повторил Макер на голубом глазу.

Чуть позже, сев за столик своего придворного кафе, Макер с изумлением заметил рядом с собой Вагнера.

– Операция “Бриллиантовая свадьба” увенчалась успехом только благодаря вам, – сообщил тот, не поднимая глаз от меню. – Кстати, вы вполне соответствуете профилю сотрудника, которого мы сейчас ищем. Вас может заинтересовать такое предложение?

Макер согласился. Не очень понимая, под чем подписывается, он знал, что это решение изменит его жизнь.

Затем он прошел базовое недельное обучение во Флимсе, в кантоне Гривон. Его жена и коллеги считали, что Макер в одиночку отправился в горный поход, чтобы немного развеяться. Он действительно забронировал номер с полупансионом в отеле “Швайцерхоф”, где только ужинал и ночевал. Каждое утро Макер отправлялся в путь, надев для отвода глаз кошки и вооружившись палками для ходьбы. Но вместо того, чтобы бродить по горам, он целый день проводил в стоящем на отшибе шале, где Вагнер обучал его, в частности, технике скрытого перемещения и слежки, поведению на допросе в полиции, установке скрытого оборудования для прослушки или, например, навыкам изготовления дубликата ключа из консервной банки.

Стажировка закончилась, и утром в день отъезда Макер попросил отель организовать ему трансфер до вокзала в Куре. Сев в гостиничный шаттл, он обнаружил за рулем Вагнера.

По пути Вагнер объяснил Макару все, что ему следовало знать о P-30. Высадив его у станции, он сказал:

– В ближайшее время я вас проинформирую о первом задании.

– Как вы со мною свяжетесь?

– Нам поможет музыка. Не зря же я ношу такую фамилию.

Когда начинала вырисовываться очередная миссия, Макер получал по почте билет в Женевскую оперу. Это был сигнал от Вагнера. Макер шел на спектакль в гордом одиночестве и в антракте встречался с куратором в фойе. Они усаживались в укромном уголке, подальше от любопытных взглядов, и в течение всего второго действия Вагнер излагал ему задачи и инструкции.

Выполнив ряд поручений и набравшись опыта, Макер продвинулся по службе в P-30. В последние годы ему доверяли даже подготовку аналитических отчетов, которые, как выяснилось, высоко ценились начальством. Систематизируя свои наблюдения, он писал тематические обзоры в виде длинных писем и отсылал их по почте прямо в Федеральный совет, предваряя свои послания кратким рутинным вступлением – для порядка.

*Глубокоуважаемые члены Федерального совета!
Основываясь на своей банковской деятельности и беседах с клиентами,
я позволю себе обратить ваше внимание на создавшуюся ситуацию и
намерения сопредельных дружественных стран...*

Следуя рекомендациям Вагнера, он не писал ничего такого, что не могло бы быть прочитано посторонним человеком. Если бы кто-то случайно наткнулся на эти письма, то решил бы, что Макер, равнодушный банкир, переживая за будущее профессии, счел нужным поделиться своей озабоченностью с правительством.

На самом деле Макер предупреждал швейцарские власти:

*Французы собираются вернуть своих налоговых беглецов, итальянцы
отслеживают деньги, спрятанные в Тичино, за немцами следует
понаблюдать, греки пытаются предотвратить отток капиталов.*

К его величайшему удовлетворению, Федеральный совет неизменно подтверждал получение его отчетов элегантным благодарственным письмом, составленным в столь же осторожных выражениях.

Макеру нравилось сотрудничать с P-30. И не только из патриотических соображений – просто все эти годы он жил полной жизнью. Его часто охватывало даже какое-то пьянящее чувство. Незадолго до его назначения на пост президента, что до сих пор казалось ему делом решенным, Вагнер уведомил его, что, возглавив банк, Макер перестанет ездить на задания. Он будет слишком на виду. На этом его карьера в P-30 завершится.

С новой и, скорее всего, последней миссией Макара отправили в Мадрид. Там обосновался вышедший на пенсию системный администратор из Эвезнер-банка. Швейцарская разведка подозревала его в намерении продать налоговым органам Испании имена клиентов, скрывавших деньги на швейцарских счетах. Все банки страны буквально помещались на этих информаторах, да и правительство стремилось побыстрее искоренить эту заразу. Макер должен был убедиться в предательстве этого человека, а главное, заполнить список клиентов до того, как он заключит сделку с испанскими налоговиками.

Эта заключительная операция проводилась совместно с разведслужбами Конфедерации и выходила за рамки привычных поручений P-30. В Мадриде Макер встретился с неким Пересом, тайным агентом, работавшим под дипломатическим прикрытием в посольстве Швейцарии.

Инструкции были просты. Макер предупредил айтишника о своем приезде и предложил нанести ему дружеский визит. Тот с радостью согласился и, судя по всему, счастлив был повидать Макара, о работе с которым у него сохранились прекрасные воспоминания.

За день до встречи Макер пересекся с Пересом в музее Прадо, перед картиной Гойи “Третье мая 1808 года в Мадриде”. Контакт был установлен, и Перес, следуя за ним на расстоянии, проводил Макара до квартиры, которую тот снял на выходные (здесь было безопаснее,

чем в отеле, наштигованном камерами, где к тому же с паспорта клиента в момент регистрации снимали копию). В тишине и покое этой очаровательной студии в квартале Саламанка Перес и посвятил его в подробности операции.

– Когда вы придете к этому парню, притворитесь, что хотите выйти в туалет, и обыщите потихоньку его квартиру, – велел он.

– Что именно мне надо искать? – спросил Макер.

– Списки имен, почту, записи, все что угодно. Нам нужны доказательства, что он и есть наш крот. Не забудьте проверить сливной бачок.

На следующий день, подойдя к нужному дому, Макер увидел Переса, который, читая на лавочке газету, внимательно наблюдал за происходящим. Как будто чего-то опасался.

Они, естественно, притворились, что не знакомы, и Макер, поднявшись на пятый этаж, позвонил в дверь айтишника. Они с женой, соскучившись по Женеве, встретили его с расprostертыми объятиями. Обстановка была настолько дружеской, что Макеру не верилось, что это и есть крот. Тем не менее, сделав вид, что ему срочно понадобилось в уборную, он оставил гостеприимных хозяев и быстро обошел квартиру. Первой комнатой на его пути оказалась спальня, где он наскоро обшарил платяные шкафы и маленький комод. Но ничего подозрительного не обнаружил. Он собирался было проверить кабинет, но, стоя в дверях, неожиданно услышал удивленный голос:

– Туалет в глубине справа.

Макер аж подскочил.

– Спасибо, – пробормотал он, – я тебя неправильно понял.

Подняв крышку бачка, Макер выудил оттуда длинный список испанских клиентов Эвезнер-банка, тщательно запечатанный в полиэтиленовый пакет. Он не поверил своим глазам – этот тип и правда был предателем.

Он выбросил пакет, засунул список за резинку трусов и вернулся в гостиную, стараясь ничем не выдать своей нервозности. Выпив кофе, он откланялся.

Макер быстрым шагом вышел на улицу. Перес догнал его, когда он спускался в ближайшую станцию метро.

– Ну? – спросил Перес.

– Это он, – подтвердил Макер. – Я забрал список клиентов.

Они сели в метро вместе, что было, конечно, грубой ошибкой. Выйдя из вагона, Перес обнаружил, что за ними следят.

Сидя за столиком в ресторане “Отеля де Берг”, Макер вспомнил мадридскую эпопею, из которой вышел победителем, и попытался уговорить себя, что справится и с Тарноголов. Ему просто надо представить себе, что это операция P-30. Какие инструкции дал бы ему Вагнер, если бы так оно и было на самом деле? Он задумался. Интересно, существует ли учебник по убеждению противника, вот бы он ему сейчас пригодился. Внезапно его осенило.

В три часа дня Макер ворвался в кабинет своего кузена и с ходу бросил ему один из четырех экземпляров книги, которые он только что приобрел в центре города.

– Я нашел решение! – воскликнул Макер в крайнем возбуждении.

– Какое решение? – спросил Жан-Бенедикт.

– Идеальный способ переубедить Тарногола.

Жан-Бенедикт взял книгу – “Двенадцать разгневанных мужчин”.

– Видишь ли, – начал Макер тоном знатока, – это история суда над мальчиком, которого подозревают в убийстве отца. Присяжные собираются признать его виновным и отправить на

электрический стул. Одиннадцать из них убеждены в справедливости своего вердикта, но двенадцатый ставит его под сомнение за недостатком улик, и ему удается перетянуть всех остальных на свою сторону. Так вот, я последую его примеру и перевербую Тарногола, вы с отцом его поддержите, и таким образом все проголосуют не за Левовича, а за меня.

– Ты прочел ее? – спросил Жан-Бенедикт.

– Прочитал, – смутился Макер.

– Ты ведь наверняка видел фильм по этой книге? По-моему, его показывали по телевизору на той неделе.

– Хорошо, твоя правда, я посмотрел его на днях, – процедил Макер, раздраженный тем, что его разоблачили. – Но я знал, что он снят по роману!

– По пьесе, – не преминул уточнить Жан-Бенедикт, открыв книгу.

– Да не все ли равно! – вскинулся Макер. – А уж если совсем честно, то я проспал половину фильма и понятия не имею, чем там все закончилось. Поэтому мне срочно надо эту штуку прочесть и принять ее как руководство к действию. Записать аргументы, составить списки и так далее и тому подобное.

– У меня в четыре поезд в Цюрих, – сказал Жан-Бенедикт, взглянув на часы. – Вот в дороге и прочту.

– Вы с Шарлоттой ведь придете к нам завтра ужинать? – спросил Макер.

Раз в месяц Хансены и Эвезнеры поочередно приглашали друг друга в гости.

– Конечно, придем. Я в Цюрихе ужинаю с клиентами и завтра утром вернусь первым поездом.

– Тогда вечером жду от тебя рецензию, дорогой кузен! – заключил Макер.

– Рад стараться, дорогой будущий президент! – По-военному щелкнув каблучками, Жан-Бенедикт взял маленький чемодан на колесиках и отправился на вокзал.

Макер же, лопааясь от важности, вернулся в кабинет. Он уже не сомневался, что у него хватит доводов, чтобы уломать Тарногола.

Кипа нераспечатанных писем никуда с его стола не делась. Но вместо того, чтобы разобрать их, Макер решил почитать “Двенадцать разгневанных мужчин” и поскорей извлечь оттуда парочку доводов в свою пользу, на случай если Тарногол повстречается ему на просторах банка. Но без четверти четыре в его кабинет вихрем влетела Кристина.

– Что еще такое? – с досадой спросил Макер. – Я занят!

– Простите, но в расписании Левовича на четыре часа назначена очень важная встреча. Сейчас почти четыре, а его нет как нет, и до него невозможно дозвониться. Он наверняка во Дворце Наций. Как мне поступить?

– Ему бы следовало почаще заглядывать в свой ежедневник! – буркнул Макер, который уже понял, куда клонит Кристина, но не собирался идти у нее на поводу.

– Вы не могли бы провести встречу вместо него? – не отставала она.

– Нет, – отрезал Макер, – у меня аврал!

– Должно быть, это важный клиент, – не отступалась Кристина. – Он придет в ярость, когда поймет, что про него забыли. Скажите просто, что Левович задерживается и попросил вас подменить его.

– Я не намерен прикрывать Левовича, чтобы его избрали президентом вместо меня! Если это и правда крупный клиент, так пусть приходит в ярость и жалуется на Левовича в совет банка. Тарногол тогда поймет, что он далек от совершенства.

С этими словами Макер отослал секретаршу.

Когда четверть часа спустя важный клиент появился в приемной, Кристина потеряла дар речи. Вот уж кого она никак не ожидала увидеть.

Глава 8

Все свои

Этого респектабельного старика Кристина отлично знала, его трудно было с кем-то спутать: необычные черты лица, шероховатая кожа, вечно надутый вид, кривой нос, густые брови. В руке он держал трость с набалдашником, усыпанным сверкающими бриллиантами, которая, по слухам, тянула на миллионы франков. Перед ней стоял Сিনিор Тарногол.

– Левович тут? – спросил Тарногол, которой, несмотря на прекрасный французский, так и не смог избавиться от сильного славянского акцента.

Кристина сидела, молча уставившись на него. Он смерил ее злобным взглядом. Тогда она решила косить под дурочку:

– Вы договаривались о встрече? У Левовича в расписании она не отмечена.

– Да, в моем кабинете. И поскольку он не соизволил явиться, я зашел выяснить, что происходит. Что за гадкая манера заставлять людей ждать попусту!

– Месье Тарногол, – произнесла Кристина самым своим сладким голосом, – могу ли я попросить вас подождать минутку в Розовой гостиной?

Через несколько секунд она вбежала в кабинет Макаера.

– Ну что еще? – раздраженно воскликнул он, откладывая книгу. – Я же предупредил, что занят.

– В четыре у Льва встреча с Тарноголом!

Макаер оторопел:

– С Тарноголом?! И что вы ему сказали?

– Что Левовича нет, но вы его примете. Он, судя по всему, обрадовался. Извините, что не последовала вашим инструкциям, но не могла же я его выгнать!

– Молодец, Кристина, мо-ло-дец! – похвалил ее Макаер. Он и мечтать не смел, что ему представится такая прекрасная возможность обсудить с Тарноголом свое президентство и походя потопить Левовича. – В какую гостиную вы его отправили?

– В Розовую.

– В Розовую, отлично! – одобрил ее Макаер, потому что это была самая элегантная комната на этаже. – Скажите Тарноголу, что я иду.

Когда Кристина убежала, Макаер схватил в охапку груды накопившихся писем и свалил их на стол Левовича. Затем ринулся в Розовую гостиную с резвостью собаки, учуявшей дичь. Он вошел с радостной улыбкой на лице и, поклонившись Тарноголу, словно золотому тельцу, медоточиво произнес:

– Дорогой Сিনিор, как я рад вас видеть! Я должен объяснить вам недоразумение, возникшее в связи с моими поездками и статьей в “Трибюн”...

– Сейчас у меня на это нет времени, – перебил его Тарногол. – Мне необходимо увидеться с Левовичем! Это крайне важно.

– Левовича нет, – сказал Макаер.

– И где же он?

– Понятия не имею. Вы знаете, он не часто показывается на работе.

– Да что вы? – Тарногол задумался. – Я считал, что он трудится с утра до вечера не покладая рук.

– Нет, это все сказки. Левович? Не покладая рук? – Макаер натужно хмыкнул, чтобы подчеркнуть всю нелепость такого предположения. – Он уже мышей не ловит! Спасибо, если к одиннадцати утра он осчастливит нас своим присутствием. А во второй половине дня мы вообще редко его видим. Сами посудите, сейчас только четыре, а его и след простыл. Несolidно как-то.

– Очень несолидно! – возмутился Тарногол.

Макер, довольный произведенным эффектом, добавил:

– Я не должен вам говорить об этом, мне не хотелось бы навредить Льву, но здесь всем занимаюсь я. Он никогда не принимает решения, не посоветовавшись со мной. У него инициативность на нуле. Вы давно заходили к нему в кабинет? Его стол буквально завален письмами, он их даже не просматривает. Клиенты наверняка в ярости. Какой позор! В жизни не видел такого лентяя!

– Почему же ты не уведомил совет банка? – спросил Тарногол.

– Потому что я ничего не имею против Левовича, – вкрадчиво сообщил Макер. – Бедняга. И потом, его любил мой отец, вот и мне его немного жаль. Ведь, в сущности, он абсолютно безвреден, вот если бы он метил в президенты, тогда конечно.

– Какой ужас, – возмутился Тарногол.

– Совершеннейший ужас, – поддакнул Макер, сокрушенно покачав головой.

– Ты только подумай, я чуть было не назначил Левовича на пост президента!

– Да ну? – изобразил удивление Макер. – Левовича? Так он угробит банк, мы оглянуться не успеем! Впрочем, вам виднее, вы же член совета, не я.

– Однако он произвел на меня прекрасное впечатление, – сказал Тарногол.

– Ах, мой дорогой Синиор, пронырливые самозванцы обычно чертовски обаятельны.

Тарногол встал и прошелся по комнате. Казалось, он был озадачен.

– Все в порядке, месье Тарногол? – заволновался Макер.

– Нет, это не лезет ни в какие ворота! Я должен был сегодня увидеться с Левовичем, чтобы попросить его об очень важной услуге! Я так и сказал: “У меня очень важное дело”. А его нет! Черт знает что!

– Возможно, я смогу вам помочь? – предложил Макер, упиваясь ситуацией.

Тарногол пристально посмотрел на него.

– Не уверен, – проворчал он, – это действительно весьма деликатный вопрос.

– Мы же смогли договориться пятнадцать лет назад, – возразил Макер. – Благодаря чему вы и являетесь сегодня вице-президентом банка.

– Я тоже выполнил свои обязательства, – заметил Тарногол. – Ты получил, что хотел, в обмен на акции.

– Вот именно, старина, – решил Макер. – Поэтому у нас нет причин сомневаться друг в друге. Давайте заключим новое соглашение.

Тарногол долго думал и в конце концов сдался:

– Ну хорошо. Предлагаю тебе сделку, Макер. Услугу, о которой я хотел попросить Левовича, я перекину на тебя. Взамен я назначаю тебя президентом.

– Согласен! – Макер бросился к Тарно голу и энергично потряс его руку. – Чем я могу быть вам полезен?

– Ты просто заберешь для меня один конверт, – объяснил Тарногол. – Это законно и безопасно.

– И все? – удивился Макер.

– И все, – кивнул Тарногол. – Сушья ерунда.

– Сушья ерунда, – повторил Макер, как попугай. – А потом?

– Потом принесешь конверт мне домой, – сказал Тарногол.

– И все?

– И все.

– Сушья ерунда!

– Сушья ерунда.

Они вышли из Розовой гостиной, оба очень довольные. Следуя за Тарноголом к лифту мимо своего кабинета, Макер удостоверился, что Кристины нет на месте, и предложил ему зайти полюбоваться на рабочий стол Левовича. Прямо с порога он показал на гору почты.

– Посмотрите, сколько писем у него валяется без ответа, – горько вздохнул Макер. – Черт-те что!

– Безобразие! – возмутился Тарногол, который на таком расстоянии не мог разглядеть, что все письма адресованы Ма-керу. – Как я только мог представить себе Левовича на посту президента?

– Что поделывать, дорогой Синиор, – отозвался Макер. – Человеку свойственно ошибаться.

Как только Тарногол ушел, Макер поспешно забрал почту со стола Левовича и свалил обратно на свой. Затем рухнул в кресло, чувствуя, как его постепенно охватывает эйфория. Он никогда не испытывал такого счастья: он станет президентом Эвезнер-банка. Ему удалось изменить линию своей судьбы, не прибегая ни к каким махинациям. Он с презрением посмотрел на “Двенадцать разгневанных мужчин” – теперь ему не придется читать эту белиберду.

Он окажет Тарноголу пустячную услугу, и место президента будет ему обеспечено. Жизнь прекрасна. Откинувшись в кресле, он посмотрел на часы. Полпятого. Пора домой. Ну и денек!

В то же время в Колоньи, в роскошном доме Эвезнеров, домработница Арма подслушивала под дверью спальни своих хозяев. Анастасия только что ответила на загадочный телефонный звонок.

Как всегда, первой трубку подняла Арма. “Помештье Эвезнеров, здрасте”, – произнесла она вежливо, как ее учили. На том конце провода, не представившись, мужской голос попросил позвать меда. Медом стояла рядом, и Арма передала ей трубку, но, услышав таинственный голос, она немедленно перевела звонок в спальню и заперлась там. Как странно. Медом никогда так не поступала. Заинтригованная Арма решила выяснить, что происходит.

– Лев, ты с ума сошел звонить мне на домашний! – раздраженно воскликнула Анастасия, уверенная, что тут ее никто не услышит.

– Я подумал, что к мобильнику ты не подойдешь, – сказал Лев, оправдываясь.

– Конечно, не подойду, потому что я больше не хочу ни говорить с тобой, ни тебя видеть.

– Я с нетерпением жду нашей встречи сегодня вечером, дорогая.

– Не называй меня *дорогой!* И не звони мне больше! Ты что, не понял, между нами все кончено!

– Я просто хотел предупредить, что без четверти восемь за тобой заедет мой водитель и отвезет в “Берг”. До скорого.

– Ты вообще меня слушаешь? Не будет никакого ужина. Тем более в твоём отеле! Напрасно мы провели там выходные. Я замужем, в конце концов! Кто угодно мог нас там застать!

– Тебе незачем волноваться.

– Очень даже есть зачем.

– Увидимся вечером.

– Не увидимся никогда!

Анастасия бросила трубку. Услышав щелчок, Арма со всех ног кинулась в маленькую гостиную на первом этаже, где она, по идее, сметала метелкой пыль. Ну и ну! Медом изменяет мисье.

В семь часов вечера Макер Эвезнер гордо припарковался на стоянке у “Золотого льва” в Колоньи, надеясь, что его заметят за рулем болида, стоившего небольшое состояние. Он вошел в ресторан с озабоченным видом, важно вышагивая под руку с женой, которая, конечно, привлекла всеобщее внимание. Их посадили за столик с видом на озеро, как он и просил, и они с восхищением посмотрели на пейзаж за окном. Перед ними россыпью алмазов сверкала в ночи Женева.

– Сегодня мы пьем шампанское! – с ходу сообщил Макер сомелье. – Принесите винтажного “Поля Роже”. Его любил Уинстон Черчилль! Эликсир победы!

К изумлению Анастасии, ее муж пребывал в чудном настроении.

– Что празднуем? – спросила она.

– Солнышко, ты ужинаешь с будущим президентом банка, – сказал он с многозначительной улыбкой.

Она изобразила радость:

– О, как здорово! Ты получил подтверждение от Жан-Бенедикта?

– Нет, до субботы ничего официально не объявят. Разумеется, я хотел подождать, пока все будет точно известно, прежде чем тебе говорить, но я так волнуюсь, что не могу удержаться. В общем, победа за нами!

– Не надо делить шкуру неубитого медведя, – умерила его пыл Анастасия.

– Уже все в порядке, но представь себе, что сегодня утром, придя в банк, я узнал, что совет и впрямь собирается выбрать Левовича.

– Левовича? – задохнулась Анастасия.

– Понимаю твое потрясение, солнышко, я сам обалдел. Нет, только вообрази, какой-то там Левович возглавит Эвезнер-банк! Эвезнер так Эвезнер, чего уж там! Это все Тарногол замутил. У иностранцев свои причуды.

– И что, Тарногол передумал? – спросила Анастасия.

– Почти. Скажем так, мы с ним заключили сделку. Осталось уладить один пустячный вопрос. Но это ерунда.

– То есть?

– Потом объясню. Понимаешь, в глубине души папа хотел, чтобы я стал президентом. И выборы он затеял только для того, чтобы укрепить мою легитимность.

Анастасия не знала, что и сказать, – она-то считала, что все было как раз наоборот. Абель Эвезнер всю жизнь только и делал, что унижал своего сына. Если бы он хотел, чтобы после его смерти Макер возглавил банк, он бы просто завещал ему свою долю. Но она предпочла промолчать и подняла бокал шампанского за его здоровье.

Анастасия встревожилась – из-за Льва, из-за выборов. Ей расхотелось есть, она бы с удовольствием вернулась домой. Но она побоялась испортить вечер мужу, который буквально светился счастьем и явно умирал от голода. Макер заказал тальятелле с белыми трюфелями и каре ягненка. Она взяла тартар из тунца и лангустины. Макер попросил поставить в ведро со льдом вторую бутылку “Поля Роже”.

– У нас романтический ужин с шампанским, следите, чтобы оно было ледяное! – велел он сомелье.

Но когда в полвосьмого подали закуски, к Макеру подошел метрдотель:

– Простите, месье Эвезнер, вас к телефону.

– Меня? – удивился Макер. – Но никто же не знает, что я здесь.

Он был заинтригован. Выйдя в гардеробную, он взял трубку. Для пушей солидности он представился властным тоном главнокомандующего:

– Макер Эвезнер у телефона!

Внимательно выслушав своего собеседника, который изложил ему подробные инструкции, он гаркнул в ответ на сей раз скорее как солдат, стоящий навтыжку:

– Я выезжаю!

Макер бросился к жене и, даже не присев, объявил ей:

– Солнышко, прости, мне надо бежать. Чрезвычайная ситуация. Это касается того, о чем мы сейчас говорили. Заканчивай спокойно ужин и возвращайся на такси, ладно? Мне нельзя опаздывать. Я позже тебе все объясню.

И ушел, не дождавшись ответа.

Анастасия осталась за столиком одна, озадаченно уставившись на Женевское озеро, искрившееся в лунном свете. Кончиком вилки разворошила тартар. Другие посетители не могли отвести от нее глаз. Все в этой женщине источало красоту, тем более волнующую, что от нее веяло изысканной меланхолией.

Анастасия допила шампанское, не прикоснувшись к еде. Она ненавидела ужинать в одиночестве. Она вообще ненавидела одиночество. Достав из сумочки телефон, она долго раздумывала, не позвонить ли Льву. Но не решилась. Лучше пойти домой. Она попросила вызвать такси и вышла на улицу. Немного свежего воздуха ей не повредит. Было без четверти восемь. На стоянке ее ждал черный лимузин. Альфред Агостинелли, водитель Левовича, стоял рядом, придерживая открытую дверцу. Он вручил ей огромный букет белых роз.

– Добрый вечер, мадам, – улыбнулся Агостинелли. – Как поживаете?

– Хорошо, Альфред, – смущенно ответила Анастасия и машинально забралась на заднее сиденье. Потом, взглянув на любезного водителя, уже севшего за руль, спросила: – И как ему это удастся?

Глава 9

Расследование начинается

Утром в среду, 27 июня 2018 года, придя к заключению, что разгадку номера 622 следует искать в Женеве, мы со Скарлетт отправились в столицу мира. По дороге она сказала:

– Я нашла в вашем номере заметки о Бернаре.

– Вы рылись в моих вещах?

– Нет, они лежали на столе. Я думала, что это наброски романа, и решила их разобрать...

– Вы их прочли?

– Да. Какие трогательные у вас были отношения. Хотелось бы узнать подробности.

– Что именно вас интересует?

– Все! Расскажите мне, каким он был.

– Не знаю даже, с чего начать.

– Начните сначала, – предложила она. – Как правило, это проще всего. С того, как вы познакомились. Как неизвестный молодой автор подружился со старым издателем.

– Это долгая история, – предупредил я.

– Я не тороплюсь. И вообще нам еще ехать и ехать.

Я улыбнулся.

– Мы познакомились с Бернаром семь лет назад. Я помню, что все началось в знойный летний день в конце июля. Париж задыхался от жары. В то утро я приехал из Женевы. Мне очень хотелось выглядеть подобающим образом, и я надел рубашку и блейзер, словно собрался на собеседование с работодателем. Я вознамерился убедить Бернара, что я человек серьезный. Он назначил мне встречу в книжном магазине издательства “Л’Аж д’Ом” на улице Феру, сейчас там открыли кафе-мороженое. Я приехал весь в поту, изнемогая от парижского пекла. Он уже ждал меня в маленьком подвальном зале для собраний.

Мне было двадцать шесть лет, к тому моменту я с горем пополам все же закончил юрфак, хотя не столько учился, сколько писал романы. Каждый день, вместо университета, я отправлялся к бабушке, которая освободила мне у себя одну комнату, и я превратил ее в рабочий кабинет. Бабушка первая поверила в меня и отнеслась ко мне серьезно. Благодаря ей за пять лет учебы я написал пять романов, один за другим, рассылая их веером всем издателям подряд и от всех получая отказ. Было от чего прийти в отчаяние. А потом неожиданно, в январе 2011 года, мою пятую книгу, исторический роман, посвященный *Special Operations Executive*, спецподразделению британских секретных служб, успешно действовавшему во время Второй мировой войны, выудил Владимир Дмитриевич, основатель издательства “Л’Аж д’Ом” в Лозанне, и решил его опубликовать. Но он погиб в автокатастрофе, не успев довести дело до конца. На похоронах Дмитриевича меня представили Лидуин Элли, его парижской приятельнице, от которой я узнал, что он говорил о моем романе с Бернаром де Фаллуа, предлагая ему совместное издание. “Вам обязательно надо познакомиться с Бернаром, – сказала Лидуин после панихиды. – Возможно, он захочет вас издать”.

Лидуин стала моей благодетельницей. Она взяла меня под свое покровительство и организовала встречу с Бернаром. Вот я и поехал к нему в Париж в тот жаркий июльский день. И как это часто бывает, наша великая дружба началась очень плохо.

Париж, семь лет назад

– Вряд ли я опубликую ваш роман.

Человек, произнесший эти слова, был похож на генерала: элегантный, барственный, с живым взглядом.

Легендарный французский издатель Бернар де Фаллуа.

Увы, я создавал, что между восьмидесятипятилетним издателем и начинающим автором двадцати шести лет от роду простирается поколенческая пропасть.

– Отчего же? – рискнул я спросить.

– Вы представляете свою книгу как исторический роман, но я не думаю, что вы пишете правду. Англичане на такое не способны.

– Тем не менее это правда, уверяю вас.

– И потом, почему вас так занимает война? – спросил Бернар подозрительно. – Вы ведь ее не пережили.

– Ну и что?

Он скорчил скептическую гримасу:

– Вы же не будете уверять меня, что французское Сопротивление победило немцев благодаря англичанам?

– Я могу вам это доказать, – упорствовал я. – Это малоизвестный сюжет, поэтому мой роман и может вызвать интерес.

– Простите, но вряд ли я возьму его.

Выйдя от Бернара в расстроенных чувствах, я бесцельно брел по Сен-Жермену. Какой ужас. Зачем вообще писать, если меня никто никогда не издаст. Не суждено мне стать писателем. Мои самые радужные надежды не оправдались. Я подумывал, не броситься ли в Сену, но вместо этого поплелся в книжный магазин “Жибер Жозеф” на бульваре Сен-Мишель, где принялся изучать раздел исторических книг. Я нашел несколько изданий, посвященных работе британских спецслужб в период с 1939 по 1945 год. Я записал выходные данные, составил небольшую библиографию, добавил к ней источники, которыми пользовался, когда писал роман, и заслал все Бернару.

Ответа я не получил. До пятницы 26 августа 2011 года. В конце дня мне позвонила Лидуин Элли. “Бернар опубликует вашу книгу!” – сообщила она. Ей все-таки удалось его уломать. Мой первый роман вышел в свет в январе 2012 года.

– И его ждал огромный успех! – прервала меня Скарлетт в порыве энтузиазма.

– Как же! Его ждал полный провал.

Она расхохоталась:

– Правда?

– Правда. Бернар держался со мной неприветливо, я его возненавидел, и это было взаимно. Роман продавался очень плохо. Несколько сотен экземпляров, и все. Я поклялся себе, что никогда больше не буду с ним работать.

– А что потом?

– Продолжение следует – мы уже почти в Женеве.

Съехав с автострады, я направился к центру города, минуя здания международных организаций. Вскоре показался берег озера и фонтан на заднем плане.

– К вашему сведению, – сказал я, – ровно три дня назад я ехал по этой дороге в противоположную сторону.

– Не занудствуйте, писатель, вам это не к лицу! И потом, вы всегда можете заскочить домой за носками, если они у вас закончились.

– Я могу вообще вернуться домой, посадив вас на поезд в Вербье.

Она рассмеялась:

– Как же! Вы хотите остаться со мной в Вербье.

Я сдержал улыбку, и это от нее не укрылось.

– Не пытайтесь постоянно сохранять серьезный вид, писатель. У вас это плохо получается.

Проехав по мосту Монблан, мы двинулись в Колоньи, богатый пригород Женевы. В то время, когда было совершено убийство, там жил Макер Эвезнер. Должен признаться, Скарлетт меня поразила: облазив все закоулки интернета, она добыла массу важной информации. В том числе статью о Макере Эвезнере, опубликованную в “Иллюстрэ”, одной из крупнейших еженедельных газет французской Швейцарии, за несколько месяцев до убийства. Тексту была предпослана фотография Макера с женой, позирующих на фоне своего особняка.

Точного адреса мы не знали, но название улицы там было упомянуто – шоссе Рют. Туда мы и отправились.

Я ехал очень медленно, и мы внимательно изучали дома по обе стороны дороги. Внезапно Скарлетт воскликнула:

– Вот оно!

Перед нами, за высокими железными воротами, посреди большого парка стоял дом, похожий на тот, что виднелся на снимке в газете: великолепный белокаменный особняк с видом на озеро.

Глава 10

Разгневанный мужчина

Вторник, 11 декабря, за 5 дней до убийства

Великолепный белокаменный особняк Эвезнеров в Колоньи с видом на Женевское озеро возвышался посреди большого заснеженного парка.

Анастасия, в халате, одиноко сидя за кухонным столом, на котором был накрыт завтрак, тербила хлебные крошки, но ей кусок в горло не лез. Она думала о том, что произошло накануне. Она прекрасно провела вечер, завершившийся в люксе Левовича в “Отеле де Берг”. Там ее ждали изысканные блюда и потрясающее вино. Лев в смокинге был, как всегда, неотразим.

Они ужинали при свечах и, кажется, никогда еще не были так влюблены. Рядом с ним она чувствовала себя живой. Потом они кинулись друг другу в объятия и занялись любовью.

Вот только около полуночи зазвонил гостиничный телефон. Анастасия запаниковала, наверняка Макер ее выследил, все узнал и пришел устроить скандал. Но она тут же вздохнула с облегчением: это был не Макер, а президент Франции, приехавший в Женеву на конференцию ООН. Президент страдал бессонницей, и ему хотелось поболтать. Он попросил Льва заехать к нему во французское постпредство при ООН, располагавшееся в огромном поместье в Шанбези, где он остановился.

Лев сначала вежливо послал его под предлогом любовного свидания, но Анастасия, усостившись, попрекнула его – президент Франции как-никак!

Тогда Лев перезвонил великому командору французов и сказал, что придет. Они оделись, и он усадил ее в черный “феррари” уникальной модели. Потом они сидели втроем в пышном парадном салоне, где президент принимал их в халате. Он пил чай, курил сигару и трепался с ними как со старыми друзьями, походя консультируясь со Львом по поводу своей завтрашней речи в ООН.

В два часа ночи Лев отвез Анастасию домой. Он высадил ее у ворот Эвезнеров на шоссе Рют и под покровом ночи еще раз поцеловал нескончаемым влюбленным поцелуем, не желая расставаться с ней.

Войдя в ворота, она на мгновение встревожилась – что скажет ее муж, увидев, что она возвращается домой под утро? Наверное, Макер переволновался. Интересно, он уже позвонил в полицию? Или что-то заподозрил и теперь подстерегает ее в гостиной. Он потребует объяснений. Главное, держаться естественно. Она скажет, что в итоге решила повидаться с друзьями, они пошли выпить в “Отель де Берг” и она даже не заметила, как время пролетело, вот и все. Ей что, развлечься нельзя? К тому же он сам бросил ее одну в ресторане! Но, подойдя к дому, Анастасия поняла, что машины Макера нет на месте. То есть он до сих пор не вернулся со своей таинственной встречи. Куда он запропастился? Впрочем, не важно – она сразу легла, обрадовавшись, что ей хотя бы не придется придумывать оправданий. Как же ей было хорошо после долгих часов, проведенных со Львом, она чувствовала близость его тела и легкое прикосновение пальцев. Ощущение счастья, которое она испытывала с ним, еще долго не покидало ее. Закрыв на мгновение глаза, она представила, как он приникает к ней, целует и шепчет на ухо: “Еще апельсинового сока, медом?” О нет, черт, это Арма прервала ее грезы.

– Еще апельсинового сока, медом? – спросила Арма, показав ей кувшинчик.

Вот пристала. Анастасия заставила себя улыбнуться.

– Вы прекрасно выглядите, медом, – сказала Арма, наливая ей сок.

Анастасия не ответила, подумав, что напрасно она так сияет, Макер может насторожиться. В этот момент он как раз вошел на кухню с гневным возгласом:

– Вот же сука этот Левович!

Анастасия чуть в обморок не упала – ей конец, он все знает!

- Сука Левович, – повторил Макер, размахивая свежим номером “Трибюн де Женев”.
- Что... что такое? – пробормотала Анастасия.

Макер развернул перед ней газету.

– Ты только посмотри, солнышко! – прохрипел он, и в его голосе сквозило раздражение, смешанное с восхищением.

На первой полосе, под анонсом большого интервью с президентом Франции, красовался снимок вышеупомянутого президента вместе с Левовичем, сделанный накануне во время их прогулки по берегу Женевского озера, поблизости от здания ООН. Макер прочел вслух:

Мировые лидеры собрались вчера в Организации Объединенных Наций на конференции по делам беженцев. Сегодня с долгожданной речью должен выступить президент Франции. Каково же было удивление посетителей парка “Перль дю Лак”, когда они неожиданно встретили его вчера – президент в сопровождении телохранителей прогуливался с известным женеvским банкиром Львом Левовичем...

Арма перебила его:

- Будете апельсиновый сок, мисье?
- Да, спасибо.

Он отложил газету и, схватив ломоть поджаренного хлеба, густо намазал его маслом.

– Вот же фрукт! – не успокаивался он. – Подумать только, прошелся под ручку с президентом Франции, и раз – на первую полосу! А знаешь, что хуже всего? Лев не просто так нос задрал. Вчера он не пришел в офис, никому не сообщив, что у него дела в ООН. Кристине пришлось отслеживать его передвижения, чтобы понять наконец, чем он занят.

Анастасия растерянно посмотрела на мужа, восторгавшегося Левовичем, с которым она наставляла ему рога, – в сущности, и он и она были влюблены в одного и того же человека. Ей стало неловко, и она поспешила сменить тему.

– Как прошел вечер? Ты ведь поздно вернулся, да? – спросила она, изображая святую невинность.

- В полчетвертого, – ответил он. – Еле живой.
- Чем ты занимался до полчетвертого?

– Не могу сказать. Ну ладно, тебе могу. Представляешь, вчера Синиор Тарногол попросил меня об услуге. Что-то страшно важное. Это тот самый пустячный вопрос, о котором я говорил тебе в ресторане.

– И что за услуга? – поинтересовалась Анастасия, с тревогой спрашивая себя, на что готов пойти ее муж, чтобы повлиять на решение Тарногола.

- Да ерунда, я забрал для него письмо и отвез ему.
- Письмо? Ты что, теперь почтальоном заделался!

Макер мрачно взглянул на нее:

– Ты ничего не понимаешь. Лучше бы я и правда промолчал! Это очень важное письмо, и Тарногол не мог получить его напрямую. Поэтому он хотел послать за ним своего человека.

– Он послал своего почтальона! – повторила Анастасия.

– Своего человека! – разозлился Макер. – Я ездил за конвертом в Базель, если уж ты хочешь знать все подробности.

– Ты ночью смотался туда-сюда в Базель? Теперь понятно, почему ты вернулся под утро.

– Ну, для хорошего водителя это не так уж и далеко. Я забрал этот чертов конверт около одиннадцати вечера в одном роскошном отеле Базеля, выпил кофе и поехал обратно. В полтретьего вручил его Тарно голу лично в руки. Представляешь, он позвал меня к себе, хотя никогда никого домой не приглашает! Он живет в шикарном особняке на улице Сен-Леже, напротив парка Бастионов. Верх роскоши. Он принял меня с надлежащим уважением, да что там,

просто по-царски. И воскликнул: “Брат мой!” “Брат мой!” – это он мне! Представь! Тут же предложил что-нибудь перекусить. Ну, перекусить – это слабо сказано, там жратвы хватило бы, чтобы прокормить голодающую деревню! Обалденная иранская икра, копченый дикий лосось с Аляски, я такого в жизни не ел, поджаренная сдобная булка, пальчики оближешь, блюдо с сырами, тонкие пироги с фруктами и всякие сладости. Умереть не встать, жаль, ты этого не видела! И еще, по такому торжественному случаю он открыл бутылку “Белуги”. И заявил со своим ужасным акцентом: “«Белуга» – вкус победы!” Мы долго с ним просидели – болтали, смеялись, как закадычные друзья. Провожая меня, он сказал по-английски: *Thank you, Mister President.*

– *Mister President?*

– Ну! Меня изберут в эту субботу! В общем, вечер удался, ха-ха!

Макер с любовью посмотрел на жену. В последнее время что-то в ней изменилось. Ее лицо просветлело. Она стала более жизнерадостной, изумляла его своим замечательным настроением. Он просто диву давался. Похоже, она счастлива. Да, он сделал ее счастливой. Всякое у них бывало, и взлеты, и падения, но он нашел к ней подход. Достаточно на нее взглянуть – ведь чудо как хороша.

В то утро Макер, который обычно долго просиживал за завтраком, в спешке доел тосты, очевидно куда-то торопясь.

– А теперь за дело, – провозгласил он, вставая.

– Ты в банк? – удивилась Анастасия.

– Нет, – ответил он загадочно. – Я в будуар. Мне надо поработать над одним проектом.

Он явно ее заинтриговал. Макер был доволен произведенным эффектом. Вольно ж ей потешаться над ним, обзывая почтальоном, вот бы она ахнула, узнав, кто ее муж на самом деле. Его слишком часто недооценивали. Иногда он страдал от этого, но потом понял, что, в сущности, в этом и заключается его сила – как известно, в тихом омуте черти водятся.

У него мелькнула мысль, что эта пословица могла бы стать прекрасным названием для мемуаров.

Запершись в будуаре, Макер для начала полюбовался шелковым носовым платком, который он стащил у Тарногола. На нем было вышито: “Синиор Тарногол. Совет Эвезнер-банка”. Платок лежал в гостиной на маленьком столике, и Макер не удержался. Какой изыск! Он тоже закажет себе носовые платки с вышивкой “Макер Эвезнер, президент”.

Он убрал драгоценную тряпочку в ящик стола, заодно вытащив оттуда бутылку лимонного сока. Налив немного в медную мисочку, он развел его водой – получились симпатические чернила. Затем он вытащил из сейфа тетрадь, сел за стол, заваленный всякими безделушками, и продолжил свое повествование.

Мои многочисленные отчеты, отосланные в Федеральный совет, не прошли незамеченными: швейцарскому финансовому центру – легким нашей экономики, так сказать, – грозила опасность, и нам необходимо было встать на его защиту. Учитывая, что европейские страны предпринимали определенные шаги не только чтобы воспрепятствовать утечке капиталов в Швейцарию, но также и для идентификации счетов своих граждан в швейцарских банках, приходилось руководствоваться известным крылатым выражением: хочешь мира – готовься к войне.

Вследствие этого швейцарское правительство поручило своим спецслужбам организовать широкомасштабный мониторинг министерств экономики европейских стран с целью предотвратить ответные меры с их стороны.

Поскольку внедрение агентов разведки в дружественные союзные государства представляет собой опасное предприятие с точки зрения имиджа

страны и дипломатических осложнений, в авангарде выступило подразделение Р-30, чтобы подготовить почву. Экономический отдел, сотрудником которого я являлся, активизировал свою деятельность. Лондон, Париж, Лиссабон, Вена, Афины, Мюнхен, Милан, Мадрид, Стокгольм – в поле нашего зрения попали все крупные европейские города. В каждом из них надо было локализовать соответствующие ведомственные здания, например министерства и налоговые органы, и, оценив возможность проникновения в них, собрать исчерпывающее досье с планировкой помещений и указанием наличия камер слежения и пропускной системы. Иногда для создания базы данных мы записывали номера всех машин, въезжающих или выезжающих со служебной стоянки. Либо составляли список ресторанов в округе, куда часто заходят служащие данного учреждения. Этот кропотливый труд, утомительный и неблагодарный, был, однако, необходим, чтобы расчистить дорогу секретным агентам, которые впоследствии займутся на месте установкой подслушивающих устройств, похищением или уничтожением документов, а также вербовкой сотрудников, которые за небольшую мзду согласятся предоставить нам нужную информацию.

Всякий раз, возвращаясь с задания, я получал приглашение в Оперу, где и передавал Вагнеру краткие рапорты о своих наблюдениях.

К сожалению, как позже выяснилось, все эти старания оказались напрасны – нашего злейшего врага следовало искать вовсе не за пределами страны, а в самом ее сердце.

Нас атаковали изнутри, и событие, потрясшее всю нашу банковскую систему, – прекрасное тому доказательство: сотрудник крупнейшего цюрихского банка, решив отомстить за свое увольнение, скопировал список иностранных держателей тайных счетов в Швейцарии и продал его налоговым органам Франции и Германии.

В банках с солидной репутацией, гарантирующих тайну вкладов, новость о таком беспрецедентном предательстве прозвучала как гром среди ясного неба. Что касается спецслужб, то они были приведены в состояние повышенной боевой готовности: дурной пример мог оказаться заразительным. Надо было незамедлительно нанести ответный удар и, убедившись, что это единичный случай, отбить у потенциальных нарушителей всякую охоту пойти по этому пути.

Р-30 поручили выяснить, не пытаются ли фискальные органы крупнейших европейских стран покупать информацию у швейцарских банкиров. Так, после смерти моего отца, воспользовавшись моим положением законного наследника, лишённого президентства, Вагнер отправлял меня со спецзаданиями в разные города Европы. Мне было поручено втереться в доверие к тамошним налоговикам. В течение всего прошлого года я беспрестанно мотался в Париж, Лондон, Мюнхен, Милан, Афины. Схема операции оставалась неизменной: в каждом городе я по наводке Вагнера знакомился с каким-нибудь прикормленным адвокатом, тот, в свою очередь, связывал меня с начальником местных налоговых служб, с которым мы встречались в укромном месте, и я представлялся ему раскаявшимся грешником. Всем им я выдавал одну и ту же историю: отец отказался назначить меня президентом банка, я хочу отомстить и готов с вами сотрудничать. Они сколько угодно могли меня проверять, я говорил чистую правду, обо всем этом писали в прессе. Обычно они так и поступали, потом договаривались – через

адвоката, чтобы, не дай бог, не допустить утечки, – о следующей встрече, и мы приступали к переговорам, что позволяло мне получать ценные данные об их методах. За какую сумму они готовы купить список моих клиентов? Что они собираются с ним делать? Какие могут предоставить гарантии? Готовы ли выдать мне вид на жительство, учитывая, что я не смогу теперь вернуться в Швейцарию? Получив все нужные сведения, я требовал от них обязательств в письменной форме, от чего они, разумеется, отказывались, и тогда я прерывал переговоры, не вызывая подозрений.

Теперь, заканчивая свою карьеру в Р-30, я должен заявить следующее: я был горд и счастлив служить своей стране. Меня не покидает ощущение, что я жил полной жизнью. Единственный документ, сохранившийся у меня от долгих лет моей захватывающей деятельности, – письмо за подписью президента Швейцарской Конфедерации, переданное мне некоторое время назад Вагнером. Привожу ниже эти строки, написанные от руки:

*Дорогой Макер,
позвольте выразить Вам нашу всемерную благодарность за Ваше самоотверженное служение Отечеству.
Дружески Ваш
Бит Вундер,
президент Швейцарской Конфедерации*

– “Всемерную благодарность”, – вслух произнес Макер, перечитывая письмо, которое хранил между страниц тетради.

Ах, если бы отец знал, на что он способен! Макер задумчиво посмотрел на фотографию, стоящую перед ним на столе. “Твой сын, папа, – сказал он, обращаясь к глянцевому Абелю, – не так прост, как кажется”.

До Макера донесся звонок домашнего телефона, торопливые шаги Армы и ее голос: “Помештье Эвезнер, здрасте”. Потом снова шаги и внезапный стук в дверь будуара.

– Мисье, – крикнула Арма, – извините за беспокойство, вас срочно к телефону!

Макер открыл Арме, предварительно убрав тетрадь в ящик.

– Кто это? – спросил он.

– Кто-то из банка!

Он взял трубку в прихожей. Это звонила Кристина, его секретарь.

– Месье Эвезнер, – с ходу принялась извиняться она, – вы не брали мобильник, поэтому я позволила себе позвонить вам по домашнему номеру.

Уловив панические нотки в ее голосе, Макер поспешил ее успокоить:

– И хорошо сделали, Кристина. Что случилось?

– Вы должны немедленно приехать в банк.

– Да что случилось, в конце концов?

– Приезжайте! – взмолилась она. – В ваш кабинет только что зашел Тарногол. Он вне себя от ярости и ругает вас на чем свет стоит! Я не знаю, что происходит, но, по-моему, все плохо.

Глава 11

Должник

Кристина пыталась подслушать, о чем идет речь за запертой дверью в кабинете Макера, который примчался в банк сразу после ее звонка. Но до нее долетали только отдельные слова.

Тарногол рвал и метал.

– Как ты посмел выставить меня идиотом! – набросился он на Макера. – Как ты посмел соврать мне!

– Я? Вам соврать?

– Вчера ты сказал, что Левович – лентяй и его никогда нет на рабочем месте. Но Левович был в ООН! С президентом Франции!

– От... откуда вы знаете? – с трудом выговорил Макер.

– Из газет! – завопил Тарногол, потрясая свежим номером “Трибюн де Женев”.

– Это какое-то недоразумение! – Макер дрожал мелкой дрожью.

– Чтоо?! – продолжал бушевать Тарногол. – А еще ты уверял меня, что Левович никогда не отвечает на письма, это тоже недоразумение? Вся эта почта пришла на твое имя!

– От... откуда вы знаете? – снова пробормотал Макер, у которого буквально подкосились ноги.

– Оттуда, что конверты лежат на твоём столе и на них указана твоя фамилия! – воскликнул Тарногол и, в ярости схватив кипу писем, веером подбросил их вверх. – Все кончено, Макер! О президентстве можешь забыть!

– Ну что вы, право, Синиор, – попытался урезонить его Макер. – Мы так хорошо вчера посидели... вы назвали меня братом...

– Это было до того, как я узнал о твоём обмане! Следующим президентом банка будет Лев Левович!

С этими словами Тарногол вышел из кабинета, изо всех сил хлопнув дверью, чем до смерти перепугал Кристину. Макер рухнул в кресло, он был уничтожен.

Через некоторое время раздался осторожный стук. Левович просунул голову в дверной проем.

– Ты в порядке, Макер? – взволнованно спросил он. – Говорят, Тарногол устроил скандал.

– Я совсем не в порядке, – простонал Макер, чуть не плача.

– Что случилось? – спросил Левович, решительно заходя в кабинет в сопровождении оробевшей Кристины.

– Все ужасно, – ответил Макер.

– Что ужасно? – потрясенно спросила Кристина. – Ну скажите же, месье Эвезнер, вы так поблעדнели.

Левович и Кристина с состраданием уставились на Макера.

Ему не терпелось поплакаться им в жилетку, но не мог же он, в конце концов, рассказать им, как оболгал Левовича, и признаться в инциденте с почтой.

– И вообще у меня стресс, – пожаловался он, не вдаваясь в подробности.

– Почему стресс? – не отставала Кристина. – Из-за этой истории с президентством?

– Да нет, при чем тут президентство, – солгал Макер в надежде, что Кристина не донесла Левовичу, что слышала накануне, и поспешил сменить тему: – Думаю, просто зимняя хандра, ничего страшного.

– Ты еще ходишь к психоаналитику, которого я тебе сосватал? – спросил Левович. – Он отличный специалист.

– Да, доктор Казан. Хожу каждый вторник, в полпервого. Как раз сегодня это мне будет весьма кстати. – Он ухмыльнулся для вида. – И по четвергам тоже.

– Я и не знала, что вы ходите к психоаналитику, – удивилась Кристина.
– Ладно, не все ли равно! – смутился Макер, ему не терпелось разрядить обстановку. – Может, пойдем выпьем кофе? Я угощаю.

В полпервого Макер вошел в кабинет доктор Казана, на площади Клапареда, дом 2.

– Мне очень плохо, доктор, – объявил он с порога и бросился на диван.

Макер начал ходить на консультации к Казану почти пятнадцать лет назад. После той самой истории с акциями. Отец, узнав, что он продал свою долю Тарноголу, так разозлился, что некоторое время вообще с ним не разговаривал. Макер записался к Казану по рекомендации Левовича, который заверил его, что это тот, кто ему нужен. Лев оказался прав: благодаря Казану Макеру удалось помириться с отцом. Но после его смерти он периодически впадал в депрессию и поэтому решил, чтобы поскорее восстановиться, перейти на два сеанса в неделю. Макеру нравился доктор Казан, благодаря ему он обрел веру в себя. Ему нравилась его безмятежность, мягкий взгляд, даже то, как он жевал дужку очков, слушая пациента.

– Как я уже говорил вам, доктор, – доверчиво сказал Макер, – я считал, что пост президента банка мне обеспечен.

– Да, по-моему, я читал об этом в прессе, – вспомнил Казан. – Я как раз собирался вас поздравить.

– Ну так вот, произошло досадное недоразумение.

– Да?

Макер в подробностях поведал психоаналитику о своих злключениях в последние сутки.

– Я правильно понимаю, что этот Тарногол и слышать о вас не хочет? – резюмировал Казан, когда Макер закончил.

– И все из-за моей дурацкой оплошности! – сказал он. – Ах, доктор, помогите мне придумать, как переубедить Тарногола, прошу вас! Я должен заставить его изменить мнение. Если меня не назначат президентом, я покончу с собой!

– Что вы такое говорите! – испугался доктор. – Это нанесло бы непоправимый удар по моей репутации.

– Кстати о репутации, – продолжал Макер, – к вам обращался некто Жан-Бенедикт Хансен, мой кузен Жан-Бен. Он ищет психиатра для своей жены, она страдает легкой формой циклотимии. Я посоветовал ему связаться с вами. Я сказал, что вы лучше всех. Но, если я не ошибаюсь, вы ответили ему, что не берете новых пациентов.

– Да, уже много лет. Для вас я сделал исключение, потому что вас рекомендовал Лев Левович.

– Ох уж этот Левович! – в сердцах воскликнул Макер. – Как же я его ненавижу! Такой выдающийся! Такой образцово-показательный! Хотел бы я быть на его месте!

– Вы его ненавидите или восхищаетесь им?

– А разве нельзя ненавидеть кого-то, потому что слишком сильно им восхищаешься?

– Можно, – кивнул доктор Казан. – Это называется зависть.

– То есть я ему завидую?

– Если быть точным, я бы сказал, что вы страдаете от *invidia maxima*¹, недуга, выявленного доктором Фрейдом в знаменитом казусе Люсьена К.

– Что еще за казус Люсьена К.?

¹ Сильнейшая зависть (лат.).

– Люсьен К. был сыном богатого венского промышленника, который всю жизнь пытался заслужить уважение отца. Но отец вечно его во всем упрекал и в итоге променял его на другого мальчика, которого любил как сына, поставив его во главе своей империи.

– Именно такие чувства я испытываю к Левовичу! – вскричал Макер. Он вздохнул с облегчением, узнав о существовании знаменитого прецедента. – А что произошло с Люсьеном К.?

– Он убил отца, мать, жену, собаку – всех. И кончил свои дни в сумасшедшем доме. Поэтому Фрейд и смог изучить его случай.

– Черт побери! – вздрогнул Макер. – Думаете, меня ждет та же участь?

– Нет, – заверил его доктор Казан, – ведь пятнадцать лет назад все было в вашей власти. Отец передал вам эстафету, объявил вас своим преемником и публично вручил вам акции, гарантирующие избрание на пост президента. Но эти акции – по непонятной мне пока причине – вы продали Синиору Тарноголу. И ведь не за деньги, верно?

– Я обменял их, – кивнул Макер.

– На что же? – спросил доктор Казан. – Признаюсь, мне очень любопытно, что, на ваш взгляд, равноценно посту президента.

– То, что все хотят, но никто не может купить.

– А именно?

– Вы мне не поверите.

– Рискните.

– Вы мне не поверите, – повторил Макер.

Казан не стал настаивать.

– Что вы собираетесь делать с этим Тарноголом?

– Понятия не имею, – вздохнул Макер. – А вы, доктор, что бы сделали на моем месте?

– Макер, – сказал психоаналитик, – скоро год, как мы работаем, чтобы подготовиться к вашему корпоративному уикенду. Вы помните, что он для вас означает?

– Расставание с папой, – ответил Макер.

– Точно. Вы наконец-то перережете пуповину. Не забывайте, о чем мы говорили во время наших сеансов: папа больше не указывает вам, как жить. Вы сами, Макер, отныне хозяин своей судьбы.

Макер озадаченно посмотрел на него.

– Я пытаюсь вам объяснить, – продолжал доктор Казан, – что желание Тарногола избрать Левовича дает вам возможность узнать себя лучше.

– Я не уверен, что хорошо понимаю вас, доктор.

– Ну, если бы вас избрали без всяких усилий с вашей стороны, вы бы решили про себя, что не заслуживаете этого. А теперь вам придется переубедить Тарногола. И я знаю, что вы своего добьетесь. Я знаю, что у вас получится. Вы докажете себе, что на многое способны, и станете президентом Эвезнер-банка. А после выборов проснетесь новым человеком, освободившимся наконец-то от власти отца, потому что своим президентством вы будете обязаны только себе. Благодаря нашим сеансам вы проявили свой подлинный характер: вы боец, вы победитель. Пришло время продемонстрировать всем, начиная с Тарногола, чего вы стоите.

– Вы абсолютно правы, доктор! – внезапно оживился Макер. – Но вы не сказали, как мне переубедить Тарногола. Как всякий психоаналитик, вы наверняка еще и гений ментальной манипуляции.

– Вообще-то я не могу служить для вас генератором идей, вам следует прийти к ним самостоятельно, – напомнил Казан. – В этом и состоит смысл психоанализа.

– Ну доктор, – взмолился Макер, – помогите мне немножко, прошу вас... Я прямо чувствую, вы что-то придумали.

Добрый доктор Казан сдался, видя муки своего пациента:

– Сделайте так, чтобы Тарногол оказался вашим должником. Тогда ему ничего не останется, как выбрать вас на пост президента. Нам пора закругляться. Увидимся в четверг.

Глава 12

Адюльтер

В ту среду, 27 июня 2018 года, мы со Скарлетт долго топтались перед воротами дома Макера Эвезнера на шоссе Рют. Мы звонили, но никто не отвечал. Скарлетт явно вознамерилась ждать, сколько потребуется.

В конце концов, насмотревшись на наши маневры, к нам вышла соседка.

– Могу ли я вам помочь? – спросила она инквизиторским тоном, видимо приняв нас за злоумышленников.

Но, узнав меня, тут же сменила гнев на милость:

– Так вы же...

– Писатель, – подхватила Скарлетт. – А я его ассистент, Скарлетт Лонас.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась соседка, решившая поначалу, что я присматриваю себе особняк. – Дом сняли с продажи, его наконец-то купили, еще года не прошло. Новый владелец сейчас в отъезде.

– Тут жил Макер Эвезнер, да? – спросила Скарлетт.

– Да. Дом никак не продавался. С тех пор как... вы же знаете, что случилось?

– Да, – ответил я. – Ну, частично. Мы за тем сюда и приехали.

Соседка оказалась вполне любезной и не прочь была поболтать. Она пригласила нас зайти к ней что-нибудь выпить. Несколько лет назад она овдовела и теперь всегда рада гостям.

– Я хорошо помню тот год. Нас буквально завалило снегом. Хотите посмотреть фотографии?

– Нет, спасибо, – сказал я.

– С удовольствием! – Скарлетт поспешила загладить мою оплошность.

Соседка открыла книжный шкаф, заполненный альбомами с фотографиями, расставленными в хронологическом порядке. Она показала нам свой заснеженный сад, заснеженное шоссе Рют и заснеженную деревню на заснеженных берегах Женевского озера.

– Очаровательно! – саркастически восторгался я.

– Не обращайтесь внимания на писателя, – сказала Скарлетт соседке, – он любит поворчать, но, в сущности, чертовски мил. Вы хорошо знали Эвезнеров?

– Не очень. Мы не были близкими друзьями, но поддерживали добрососедские отношения. Симпатичная пара. Мой пес тогда то и дело убежал. Кобель венгерской легавой. Лучше брать сук, с ними меньше хлопот. А кобелей не дозовешься. Учуют что-нибудь, найдут лазейку в ограде, и поминай как звали. Так вот, они часто приводили мне Кико, если он им попадался на дороге.

– Кико – это собака?

– Да. Ах, какой был пес! Могу достать его фотографии, если хотите.

– Нет, спасибо! – отказался я.

– С удовольствием! – обрадовалась Скарлетт.

Соседка пошла за альбомом со снимками Кико. Пока она листала его, Скарлетт спросила:

– Что вы можете рассказать нам об Анастасии и Макере?

– К тому моменту их брак практически распался. В смысле, она ему изменяла.

– Откуда вы знаете?

– Однажды Анастасия получила большой букет. Чтобы муж ничего не заподозрил, она соврала, что цветы от меня в благодарность за поимку Кико. А знаю я это потому, что Макер пришел поблагодарить меня за розы, которые я якобы послала его жене. Я сразу догадалась, что у Анастасии есть любовник. Когда женщина лжет мужу о происхождении букета, другое объяснение вряд ли найдется.

– А кто был ее любовником? – спросил я.

– Понятия не имею, но Арма, их домработница, наверняка все знала. Однажды она мне даже на это намекнула.

Я записал имя.

– А фамилия Армы? – спросил я.

– Уже не помню, но могу дать вам ее мобильный телефон. Чудная женщина. Бедняжка, после того, что случилось, она потеряла работу. Иногда я ее вызывала, но она искала что-то более стабильное. Потом Арма нанялась в клининговую компанию. Теперь я обращаюсь к ней, когда мне нужен обслуживающий персонал на вечеринки. Свяжитесь с Армой, она обязательно вам поможет.

Глава 13

Книга Есфирь

Вторник, 11 декабря, за 5 дней до убийства

– Чтобы он оказался моим должником ... – повторял Макер, размышляя над советом, который доктор Казан дал ему несколько часов назад.

Около семи вечера Макер ходил взад-вперед по кухне, наматывая круги вокруг Армы, готовившей ужин. Как сделать так, чтобы человек оказался моим должником? – твердил он как заведенный.

Он размахивал своим экземпляром “Двенадцати разгневанных мужчин”, как будто это каким-то чудесным образом могло ознакомить его с содержанием пьесы. Насколько он помнил, присяжный, который всех переубедил, не нуждался ни в чем одолжении, чтобы добиться своего. Как ему это удалось? Вот же засада! Макер совсем отчаялся – он заснул во время фильма, а на то, чтобы дочитать текст, у него не хватало терпения. Вот Анастасия наверняка читала, она вообще всегда все знала. Надо срочно с ней поговорить. Но она уже два часа сидит, запершись в ванной комнате. Что она там забыла? Макер пытался поделиться с ней своими мучениями через запертую дверь, крича во все горло, чтобы перекрыть звук льющейся воды: “Как сделать человека своим должником?” Но она осадила его: “Мне некогда разгадывать загадки”. Тогда он переключился на Арму.

– Как сделать, чтобы человек был вам обязан? – наконец-то открыла рот Арма, глядя в потолок, но не забывая при этом поливать баранью ногу. – Ах, если бы я только знала...

– На что вы намекаете? – спросил Макер, уловив насмешку в ее голосе.

– Я отпрашивалась у вас на пятницу, а вы меня непустили.

– Да, но ведь я объяснил, что мне это неудобно, поскольку я сам уезжаю рано утром на корпоративный уикенд в Вербье и Анастасия остается в полном одиночестве. Согласитесь, я впервые отказываюсь дать вам выходной, и с вашей стороны невежливо еще и упрекать меня.

– Простите, мисье, но вы же сами спросили, – запротестовала Арма.

– *Простите, простите*, из *простите* шубу не сошьешь. Ради бога, не приходите в пятницу, и все на этом. У вас выходной. Надеюсь, вы довольны. Видите ли, я опять вляпался. Я тот еще чудак на букву “м”! Ладно, хватит языком чесать, заканчивайте готовку, гости будут через пятнадцать минут.

Макер так досадовал на себя, что ему оставалось только сорвать злость на Арме, и он недолго искал предлог. Заметив, что рождественские лампочки в парке включены и освещают заснеженные деревья, он не выдержал:

– И кстати о гостях, сделайте одолжение, милая Арма, уберите эту иллюминацию, пока их нет. Я вам тысячу раз говорил, незачем врубать все это великолепие, когда не на кого производить впечатление. Вас прямо хлебом не корми, дай электричество зря пожечь!

– Это для крашоты, – объяснила Арма.

– Ваша “крашота” мне недешево обходится! Сразу видно, что не вы счета оплачиваете! Да выключите же их, черт возьми!

Арма поспешила исполнить его приказ. Макер тут же раскаялся – зря он на нее наорал. Хорошая девка эта Арма. Честно и преданно служит им уже лет десять. Вежливая и вообще. Никогда не болеет, всегда готова услужить. Да она не так уж часто и отпрашивается. И отпуск практически не берет. Чтобы загладить свою грубость, Макер, воспользовавшись тем, что Арма занялась лампочками, потихоньку зашел в чулан рядом с кухней, где она переодевалась и оставляла свои вещи, и подложил ей стофранковую купюру. Когда он вернулся на кухню, Арма уже тушила картошку.

– У вас неприятности? – спросила она мягко.

– Что есть, то есть!

– А в чем дело? Вы так спешили утром, и вид у вас был встревоженный!

– Это долгая история, – уклончиво ответил Макер. – Эх, не знаете вы своего счастья! Живете себе в свое удовольствие, без забот и хлопот!

Он упал на стул, испутив долгий вздох, но сразу же вскочил в состоянии сильнейшего возбуждения. Он отправился в столовую проверить, накрыт ли стол, и тут же прибежал обратно:

– Скажите, Арма, откуда этот огромный букет белых роз?

– Его медом принесли.

– Правда? И от кого же?

Арме хотелось все рассказать своему хозяину. Она уже не сомневалась, что раскусила медом. Вчера телефонный звонок, сегодня шикарный букет. Но как сообщить ему об этом? Ей понадобятся доказательства, медом наверняка будет все отрицать. Заявит оскорбленным тоном, что никто ей не звонил, и придумает, откуда взялись цветы. “Зачем вы на меня наговариваете, Арма, мы же всегда с вами отлично ладили?” – скажет она. Макер тоже придет в ярость, и ее уволят.

Поразмыслив, Арма сочла, что лучше попридержать язык, и тут как раз появилась Анастасия, невыносимо прекрасная в потрясающем темно-синем шифоновом платье, которое Макер еще на ней не видел.

– Ух ты! – восхитился он, полагая, что жена так нарядилась в его честь.

– Я иду ужинать с подружками, – сказала Анастасия.

– То есть как? К нам же придут Жан-Бен и Шарлотта.

– Ой, прости, я записала их на следующий вторник!

– Послушай, мы всегда с ними ужинаем во второй вторник месяца! И тебе это хорошо известно.

– Лучше поменять на первый. Со вторым я вечно путаюсь. И вот результат. Напомнил бы мне утром. Но ведь тебе так не терпелось уединиться в своем будуаре.

– Значит, я же и виноват?

– Отчасти. Я не могу отменить нашу встречу в последний момент.

– Ну ты же меня не бросишь, надеюсь?

– Мы видимся с Жан-Беном и Шарлоттой каждый месяц, раз в жизни я имею право сбежать. Я уже давно никуда не ходила.

– Ты пропустишь очень интересный вечер, к твоему сведению. Мы собираемся говорить о литературе. Тебе приходилось слышать про “Двенадцать разгневанных мужчин”?

– Разумеется.

– А, гениально, ты все всегда знаешь! То есть ты читала эту книжку?

– Это пьеса, – поправила его Анастасия. – Я видела ее в театре, сто лет назад. А в чем дело?

– Ты помнишь, каким образом главный герой убеждает всех в своей правоте?

– Вопрос не в том, кто прав, а кто нет. Он просто заставляет всех остальных присяжных мыслить самостоятельно. Постепенно сеет в них сомнение и шаг за шагом подрывает их уверенность.

– Это именно то, что я пытался проделать с Тарноголом, – объяснил Макер. – Подорвать его уверенность. Но у меня ничего не вышло. Можешь дать мне совет? Ты всегда даешь мне хорошие советы, я должен...

– Только не сейчас, – перебила его Анастасия. – Мне пора бежать, я опаздываю.

Она вышла в прихожую. Макер, как верная собачонка, поплелся следом.

– Знаешь, – пожаловался он, – у меня сегодня был жуткий день в банке. Мне надо с тобой поговорить.

Она молча сняла с вешалки свое элегантное пальто и надела его. Макер не унимался:
– Могла бы поужинать с подругами в другой раз. Они бы поняли.

Она подумала, что ей следовало бы уйти не попрощавшись, чтобы Макер не изображал перед ней жертву и не мучил вопросами. А то он совсем разошелся. Она уже взялась за дверную ручку, когда он спросил о цветах, на которые, конечно, не мог не обратить внимания.

– И кто, черт возьми, послал тебе такие розы?

– Соседка, – с вызовом ответила Анастасия.

– Соседка? Почему соседка дарит тебе такой роскошный букет?

– На днях я поймала ее пса на улице и привела его домой. Ты знаешь, как она над ним трясется.

– Почему ты ничего мне не сказала? Я вот тебе все всегда говорю.

– Я думала, что сказала.

– Ну спасибо соседке, очень мило с ее стороны. Я поблагодарю ее.

– Не стоит. Я уже.

– Да? Кстати, куда ты идешь?

– Сначала мы встретимся на коктейль в баре отеля “Рона”, – соврала она. – Потом поужинаем где-нибудь в городе.

– Могу тебя подбросить, если хочешь...

– Нет, что за ерунда, ты опоздаешь к приходу гостей. Желаю вам хорошо повеселиться. Не исключено, что я вернусь поздно. Передавай от меня привет Жан-Бену и Шарлотте.

– Они очень огорчатся, что тебя не будет, – посетовал Макер в отчаянной надежде, что у нее проснется совесть и она останется.

– Да нет, они меня простят, – ответила Анастасия, выходя из дому.

Макер в отчаянии сел в одно из больших кресел в прихожей. Обмахиваясь книгой, которую он так и не выпустил из рук, он наблюдал в окно, как его жена садится за руль своего спортивного автомобиля и уезжает в ночь.

Анастасия выехала из ворот на шоссе Рют. Убедившись, что здесь ее уже никто не видит, она припарковалась на обочине пустынной улицы их спального района, поспешно сняла кожаные перчатки и вынула из сумочки письмо, которое было приколото к гигантскому букету роз, доставленному ей днем Альфредом, водителем Льва.

*Сегодня вечером, в 19.00, на стоянке у парка Байрона.
Я буду ждать тебя.*

Лев

Парк Байрона на холме Колоньи, романтический уголок с прекрасным видом на город и озеро, всего в нескольких минутах езды от дома Эвезнеров, всегда был излюбленным местом встречи влюбленных пар.

Припарковавшись в условленном месте, Анастасия никого там не обнаружила. Она так к нему торопилась, что приехала на десять минут раньше. Она понимала, что, по идее, ей следовало бы помариновать его, явиться с большим опозданием, а еще лучше вообще продинамить. Помучить его. Извести. Но, получив цветы и записку, она не смогла усидеть на месте. Всю вторую половину дня она готовилась к выходу. Наряджалась, красилась. Перемерила десять платьев и пятнадцать пар обуви. Она хотела выглядеть идеально.

Анастасия в третий раз посмотрела на часы. Поправила прическу перед зеркалом заднего вида. Еще несколько минут, и она его наконец увидит.

Ровно в семь вечера Жан-Бенедикт вошел в дом Эвезнеров.

– Дорогой кузен, – приветствовал его Макер, – а где Шарлотта?

– Ей нездоровится. У нее вечно перепады настроения. Последние дни она казалась мне в хорошей форме, но, когда я сегодня вернулся из банка, она сидела, запершись в темноте. Сказала, что ей нужно отдохнуть. Я попенял ей, что очень невежливо отменять ужин в последнюю минуту.

– Представь себе, Анастасия тоже меня кинула, она якобы перепутала день и ушла встречаться с подружками.

– Тем лучше для нас, тем хуже для них, – решил Жан-Бенедикт. – Зато мы спокойно обсудим наши делишки.

Макер повел Жан-Бена в гостиную выпить аперитив. Рассказав ему вчерашнюю историю, он пожаловался, что уже уговорил Тарногола назначить его президентом в обмен на то, что он заберет для него письмо в Базеле, но сам все испортил из-за какого-то идиотского недоразумения.

– Объясни, что за недоразумение, – попросил Жан-Бенедикт.

– Не важно, – отмахнулся Макер. – Проблема с неразобранной почтой. Главное, надо сообразить, как умаслить Тарногола! У нас остался один вечер.

Тем временем Анастасия смиренно ждала Левовича, сидя в машине на парковке. Прошло уже пятнадцать минут после назначенного часа, а он так и не появился. Ну, опаздывает немного. Бывает.

В восемь вечера в большой столовой дома Эвезнеров Макер и Жан-Бенедикт наслаждались – спасибо Арме – ножкой ягненка с картошкой, тушенной с чесноком и крупной солью, и разрабатывали стратегический план по разводке Тарногола.

– Я прочел по твоей просьбе “Двенадцать разгневанных мужчин”, – сказал Жан-Бенедикт, – но не вполне понимаю, какое отношение это имеет к твоей ситуации.

– Я рассчитывал постепенно внушить ему сомнения и шаг за шагом подорвать его уверенность в Левовиче, – объяснил Макер, в точности повторив слова Анастасии. – Но я уже и так сделал все по пьесе, и ничего не вышло. Надо придумать что-нибудь еще. И побыстрее. Время работает против нас – голосование состоится через четыре дня!

– Что ты предлагаешь? – спросил Жан-Бенедикт.

– Я поговорил сегодня с доктором Казаном, и у него возникла отличная идея – надо подстроить все так, чтобы Тарногол стал моим должником.

– И расплатился с тобой постом президента? – понял Жан-Бенедикт.

– Именно.

– Ох, хорошо бы Казан принял Шарлотту! – мечтательно протянул Жан-Бенедикт.

Макер, наливая кузену “Белую лошадь”, сказал снисходительным тоном:

– Даже не думай, дорогой. Он принимает только важных людей. Но помоги мне, и я помогу тебе, давай искать выход! Как Тарногол может оказаться у меня в долгу?

– Надо оказать ему огромную услугу, – предложил Жан-Бенедикт.

– Я уже сыграл ради него в ночного почтальона, аж в Базель смотался, – напомнил Макер. – Нет, это не годится.

Анастасия по-прежнему ждала Льва, замерзая в машине у парка Байрона. Он опаздывал уже на час. Вероятно, его задержали.

Не исключено, что президент Франции. Наверняка у него веская причина. Она решила подождать еще немного.

Девять вечера, в столовой у Эвезнеров.

Жан-Бенедикт и Макер, съев большую часть знаменитого яблочного пирога Армы – его обожали все их гости, – уже ополовинили вторую бутылку “Белой лошади”, когда Жан-Бенедикта наконец осенило:

– Две недели назад к нам приходил на чай пастор Бергер. Он рассказывал о Книге Есфирь.

– И кто эта дура, черт возьми? – разозлился Макер, не понимая, при чем тут какая-то Есфирь, разве что она написала труд о ментальных манипуляциях.

– Книга Есфирь – это часть Ветхого Завета, – объяснил Жан-Бенедикт благоговейным тоном. – Там описывается, как за пятьсот лет до нашей эры персидский царь Артаксеркс взял себе новую жену, Есфирь, одну из самых пленительных красавиц его царства, которая, как назло, оказалась еврейкой. Мардохей, двоюродный брат Есфири, посоветовал ей не признаваться в своем еврействе, чтобы не нарваться на неприятности. Есфирь стала царицей. Кузен Мардохей часто ее навещал и, само собой, шлялся по дворцу. Однажды он подслушал разговор двух евнухов, замышлявших заговор против Артаксеркса, и выдал их, чем спас царю жизнь. Но Аман, злой визирь, терпеть не мог Мардохея, потому что тот не склонял пред ним головы. Проведав, что Мардохей к тому же еще и еврей, Аман решил истребить всех иудеев в царстве и сумел убедить Артаксеркса, не подозревавшего, что его жена Есфирь – еврейка, подписать соответствующий указ. Узнав эту страшную новость, Мардохей сказал Есфири, что она единственная, кто может уговорить Артаксеркса отменить бойню.

– Перевербовка! – воскликнул Макер, невольно увлекаясь этой историей. – Ну и как наша крошка Есфирь вышла из положения?

– Есфирь пригласила Артаксеркса и его визиря Амана разделить с ней два больших пира, – продолжал Жан-Бенедикт. – После второй трапезы Артаксеркс, нажравшись до отвала, пришел в отличное настроение и спросил жену: “Что я могу сделать для тебя, о Есфирь, душа моя?” И тут она все ему выложила: что она еврейка, что Аман собирается истребить ее народ и заодно покончить с ней самой. Артаксеркс ушам не поверил (“Как, Есфирь, ты еврейка? И твой кузен Мардохей тоже еврей?”). Короче, Артаксеркс отменил указ. Евреи Персии были спасены, а злого Амана замочили!

– Будет тебе вздор молоть! – возмутился Макер, недоуменно пожав плечами.

– Это же Библия! – напомнил Жан-Бенедикт.

– Ну сам посуди: баба приглашает своего мужика пожрать пару раз, и бац! – он передумал? Чуть собачья. И как эта дурацкая басня поможет мне переманить Тарногола на свою сторону?

– Не забывай, что Мардохей спас жизнь царю, – заметил Жан-Бенедикт. – Видимо, это и склонило чашу весов в его пользу.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Макер.

– Если ты спасешь Тарноголу жизнь, он сделает тебя президентом.

– Спасу ему жизнь? – переспросил Макер. – До субботы? Каким образом?

В гостиной воцарилась тишина. Макер задумался. Он ходил кругами вокруг стола, пытаясь представить, что бы предложил Вагнер, будь это операция Р-30. Внезапно прозрев, он вскрикнул:

– У меня идея! Идея века! Мы попробуем его убить и спасти одновременно.

Глава 14

По секрету

Было десять часов вечера. В доме Эвезнеров совещались заговорщики.

Арму они отослали домой, хотя она еще не вымыла посуду и не убрала со стола. Макер сказал, что она все доделает завтра, на сегодня с нее хватит. Это было что-то новенькое, и Арма решила, что наверняка хозяин так себя ведет неспроста. Уходя, она задержалась у закрытой двери в столовую и услышала возглас Макаера: “Я не позволю Льву Левовичу украсть у меня пост президента!” Мисье, значит, не уверен, что его изберут? Вот что его тревожило в последние дни. Надо бы пошпионить.

Макер и Жан-Бенедикт тщательно проработали операцию “Перевербовка”, как они ее окрестили. Автором сценария, достойного P-30, выступил Макер.

После долгих обсуждений, убедившись, что все детали сходятся, Макер и Жан-Бенедикт добросовестно отрепетировали свой дуэт.

“Перевербовку” они наметили на послезавтра. Вечером в четверг, 13 декабря, в банкетном зале “Отеля де Берг” должен был состояться ежегодный ужин Ассоциации женевских банкиров. На торжественном вечере соберутся члены советов директоров и партнеры частных банков. Сливки общества. Предполагалось, что Жан-Бенедикт тоже будет там вместе с Шарлоттой. Орас Хансен ответил на приглашение отказом, но Тарногол обещал прийти.

– Короче, мы с Анастасией пойдем на ужин вместо вас, – заключил Макер.

– Вот Шарлотта обрадуется, у нее с сестрой билеты на органнй концерт в “Виктория-холл”.

– Ты уверен, что мы окажемся за одним столом с Тарноголом?

– Конечно, – заверил его Жан-Бенедикт. – На этих тусовках всех всегда сажают с коллегами из того же банка.

– Тогда я постараюсь произвести на него хорошее впечатление. Потом, ближе к концу вечера, скажу, что хотел бы поговорить с ним наедине, и выведу его на улицу пройтись по набережной перед отелем.

– Ужин закончится в десять, – заметил Жан-Бенедикт, – это указано в пригласительном билете. Выходи с Тарноголом в полдесятого, когда подадут кофе. Все гости останутся в банкетном зале, и вокруг отеля будет совершенно безлюдно.

– Итак, мы прогуливаемся с Тарноголом, – продолжал Макер. – Мне надо серьезно с ним поговорить, я считаю, что президентом банка должен стать я. Мы идем по набережной Де Берг, вдоль Роны. В это время там нет ни души, тем более в середине декабря. Мы окажемся одни на пустынной, темной дороге.

– Да, учитывая плохое освещение и туман над рекой, там мало что будет видно, – согласился Жан-Бенедикт, который часто возвращался этим путем домой, если шел пешком с правого берега. – Я буду сидеть в засаде. Постарайся идти с ним посередине набережной. Вы так увлечетесь разговором, что не заметите, как автомобиль с выключенными фарами внезапно возникнет у вас за спиной.

– Когда ты окажешься позади нас, – добавил Макер, – вруби фары и погуди. Это будет сигналом для меня. Я схвачу Тарногола за руку, прижму его к себе, и мы оба со всего маху рухнем на землю. А ты, Жан-Бен, разгонишься и промчишься мимо на дикой скорости, типа ты нас не видел. Тогда Тарногол признает, что я спас ему жизнь. И поймет, чего я стою. Вряд ли после такого происшествия он посмеет лишить меня президентства.

Жан-Бенедикт помолчал.

– А что, если я не рассчитаю и задавлю Тарногола? – засомневался он.

– Это невозможно. Помни, что подъезжать к нам надо очень медленно. Главное, чтобы мы тебя не услышали. Ты увеличишь скорость только после того, как погудишь, и я прижму Тарногола к себе. Так что в тот момент, когда ты рванешь с места, мы уже не будем стоять у тебя на пути. Ты пронесешься почти вплотную, что создаст ощущение опасности, но это будет чистая иллюзия. С нами ничего не случится.

– А если кто-нибудь запишет мой номер?

– Встань подальше от отеля, чтобы служащие тебя не засекли. И прежде чем переходить к действию, убедись, что там нет прохожих. Эта набережная такая длинная, что я могу долго гулять с ним, пока ты не убедишься, что вокруг пусто. Что касается Тарногола, то он упадет вместе со мной и просто не успеет что-либо заметить. Когда он поднимется, ты уже будешь далеко. Машина у тебя ничем не примечательная. Никто не свяжет одно с другим. Кстати, заляпай снегом номерной знак на всякий пожарный, в общем, ты меня понимаешь!

– А что, если Тарногол любит ходить по тротуару? – снова спросил Жан-Бенедикт.

– Я приведу его туда, куда надо. Это я беру на себя. Твоя задача – убедиться, что нет свидетелей. Когда эти два условия будут выполнены, ты погудишь, я мгновенно оттащу Тарногола, и ты проедешь. Какие проблемы!

Но Жан-Бенедикт колебался:

– Не знаю, я не уверен, что хочу в этом участвовать. Это может плохо кончиться. По моему, ты перегибаешь палку.

– Да ладно, это всего лишь театральный трюк, – сказал Макер, пытаясь успокоить кузена.

– Это больше, чем трюк, – возразил Жан-Бенедикт.

Макер разозлился:

– Если ты хочешь меня кинуть, ради бога. Я считал, что мы друзья. Ты вчера говорил, что готов на все, чтобы помочь мне. Я вижу, ты передумал. Я тебе это припомню, когда стану президентом.

Эта угроза окончательно убедила Жан-Бенедикта.

– Само собой, – добавил Макер, – нашу чудесную операцию надо держать в тайне, в том числе и от жен. Никто не должен ничего знать.

Макер машинально произнес последнюю фразу очень серьезным тоном. Но тут же заставил себя радостно рассмеяться, чтобы разрядить атмосферу. Он прекрасно понимал, что их затея – рискованное предприятие, но не хотел признаваться в этом, чтобы окончательно не запугать Жан-Бена. Другого выхода у него не было.

Арма вернулась домой. Она жила одна в двухкомнатной квартирке в районе О-Вив, на углу улиц Моншуази и Волланд. Дослушав до конца план Макара и Жан-Бенедикта, она потихоньку вышла из дома Эвезнеров. Она очень переживала. Интересно, чем все это закончится.

Арма налила себе чаю и села в гостиной, чтобы подробно изучить номер “Трибюн де Женев”, захваченный из хозяйского дома. Эвезнеры всегда разрешали ей забирать газеты в конце дня.

Она внимательно рассмотрела большую фотографию на первой полосе, которая так встревожила мисье сегодня за завтраком. На снимке двое мужчин в сопровождении телохранителей прогуливались по парку “Перль дю Лак” под ошалевшими взглядами прохожих и дружелюбно улыбались друг другу. Одного из них Арма сразу узнала – президент Франции, понятное дело. Элегантный красавец рядом с ним, как следовало из статьи, был некий Лев Левович.

Прочитав это имя, Арма оторвала взгляд от газеты, и все кусочки головоломки внезапно собрались воедино у нее в голове.

Это из-за него, из-за Левовича этого, мисье так раскричался сегодня утром, а все потому, что тот хотел занять его место на посту президента банка. Его Макер упомянул и полчаса назад в столовой: “Я не позволю Льву Левовичу украсть у меня пост президента!” Двух Львов Лео-

вичей в Женеве быть не могло! А это означает, что Левович из статьи еще и любовник медем. Все ясно как божий день. Накануне, ответив на таинственный звонок, медем рассердилась на своего собеседника – Арма отлично помнила ее слова: “Лев, ты с ума сошел, звонить мне на домашний!” И тот же Лев прислал ей сегодня огромный букет белых роз. Медем сама открыла дверь и, судя по всему, узнала человека, похожего на шофера, который доставил цветы. “Это от Льва”, – сказал он. Медем думала, что Арма ничего не видела, но Арма все видела! К букету была приколота записка: медем прочла ее, тут же заперлась в ванной, а потом сразу уехала, наверняка к нему на свидание.

Лев Левович был любовником медем и одновременно тем самым человеком, который хотел отнять у мисс пост президента!

Арма пришла в бешенство. Она схватила ручку и принялась остервенело замазывать черными штрихами лицо Льва на снимке, а потом и вовсе разорвала газету, чтобы он исчез навсегда. Ах, как она ненавидит этого разлучника, разрушившего жизнь ее хозяина!

Потом в иступлении она схватила фотографию Макера, стоявшую в красивой серебряной рамке на столе у нее в гостиной, и пристально всмотрелась в него. Должно быть, этот снимок был сделан несколько лет назад – у Макера на нем такой безмятежный вид. Он шикарно выглядит в смокинге, наверное, его сфотографировали на какой-то гала-вечеринке. Она нашла это сокровище у Эвезнеров, обнаружив в глубине шкафа полную коробку фотографий, которые за долгие годы они не удосужились разобрать.

Макер – такой красавчик, и некому на него полюбоваться! Нехорошо. Арма стащила фотографию и с тех пор благоговейно сдувала с нее пылинки.

Она погладила лицо Макера на глянцевого бумаге и поцеловала его. Ее обожаемый Макер, выдающийся человек! Она улыбнулась ему и прошептала его любимое нежное слово “котенок”. И подумала, что она единственная, кто любит Макера на самом деле.

Взяв со стола альбом, куда она бережно складывала статьи, посвященные завещанию отца Эвезнера и восшествию Макера на престол, как она выражалась, Арма принялась просматривать их. Это давно превратилось у нее в ежевечерний ритуал.

СКОНЧАЛСЯ БАНКИР АБЕЛЬ ЭВЕЗНЕР

Президент Эвезнер-банка скончался в воскресенье вечером на семьдесят втором году жизни. Его влияние на банковский мир Женевы трудно переоценить.

Абель Эвезнер кончина знаменитого банкира Харизматичный, блестящий, непреклонный – так отзывались об Абеле Эвезнере, человеке, который, сохраняя верность традициям, опередил свое время. Под его руководством семейный Эвезнер-банк занял в Швейцарии лидирующие позиции, оставив далеко позади крупнейших игроков финансовых центров Женевы и Цюриха. Согласно традиции Эвезнер-банка, остающейся неизменной с момента его создания, руководство банком перейдет к сыну Абеля, Макеру. Сегодня Макер Эвезнер является управляющим активами в этом почтенном учреждении.

КТО СТАНЕТ ПРЕЕМНИКОМ АБЕЛЯ ЭВЕЗНЕРА?

Ходят упорные слухи, что Абель Эвезнер сознательно не назначил своего сына Макера президентом Эвезнер-банка, предоставив совету директоров избрать его преемника.

ЭВЕЗНЕР-БАНК: ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Мэтр Петерсон, адвокат семьи Эвезнер, подтвердил в ходе пресс-конференции завещательные распоряжения Абеля Эвезнера. На совет директоров действительно возложена миссия по назначению нового президента семейного банка. “Даже на смертном одре взгляд Абеля Эвезнера

был устремлен в будущее, – с присущим ему пылом заявил адвокат. – Он пожелал, в интересах банка, положить конец устаревшим клановым традициям, установив выборную систему. Отныне пост президента не будет передаваться по наследству, его займет человек, обладающий необходимыми деловыми качествами для руководства столь важным и крупным банком”.

**В СУББОТУ МАКЕР ЭВЕЗНЕР БУДЕТ
НАЗНАЧЕН ПРЕЗИДЕНТОМ ЭВЕЗНЕР-БАНКА**

Прочь сомнения! Макер Эвезнер, 41 год, единственный наследник своего отца, возглавит самый крупный частный банк Швейцарии. Эту новость косвенно подтвердил нам влиятельный менеджер банка, пожелавший остаться неизвестным. “Только Эвезнер может управлять Эвезнер-банком”, – заявил он. Есть мнение, что передача совету директоров полномочий по назначению президента – гениальный ход покойного Абея Эвезнера. Не нарушая вековых традиций, он укрепляет таким образом легитимность своего сына. Некоторые, правда, считают, что это, прежде всего, ловкий рекламный трюк, благодаря которому Эвезнер-банк оказался в центре общественного внимания.

Арма в ярости захлопнула альбом.

Как медем посмела так поступить с мисье? Она не просто изменяет ему, она изменяет ему с человеком, который хочет отнять у него пост президента. Как могла медем его предать? Проработав в доме Эвезнеров уже десять лет, Арма гордилась, что ей выпала честь участвовать в повседневной жизни такой, как она считала, примерной супружеской пары, служившей ей образцом для подражания. А медем взяла и все испортила. Разочарование Армы было равносильно ее былому восхищению. До сих пор она не сомневалась, что медем – необыкновенная женщина, красивая, жизнерадостная, умная, остроумная, талантливая во всем. На светских коктейлях и вечеринках она сразу выделялась из толпы. Потому-то она и привлекла внимание такого незаурядного человека, как мисье. И именно по этой причине, несмотря на чувства, которые она питала к Макеру, Арма ни разу не ощутила ни малейшей ревности. Медем вне конкуренции. Куда уж ей, невзрачной албанской домработнице, весь день не снимающей фартука, до русской княжны?

Но медем, очевидно, не понимала, выйдя замуж за Макера Эвезнера, какое ей выпало счастье. Она его недостойна. Мисье должен узнать правду.

Арма пожалела, что не осмелилась ничего сказать Макеру сегодня. Пороху не хватило. Трусиха, одно слово. Довольно! Завтра она все расскажет мисье.

Завтра он все узнает!

Когда в полдвенадцатого Анастасия наконец вернулась домой, Жан-Бенедикт уже давно ушел. Макер ждал жену в гостиной: ему надо было обсудить с ней предстоящий в четверг ужин. Он услышал, как она повернула ключ в замке, и поспешил ей навстречу:

– Привет, солнышко, как ты провела вечер?

Вместо ответа Анастасия что-то пробурчала с мрачным видом и захлопнула за собой дверь. Она явно была не в настроении.

– Я – спать, – сказала она, направляясь прямо к лестнице.

Пока Макер выключал свет в гостиной и поднимался в спальню, она уже успела запелиться в ванной. Он тихонько постучал:

– Я просто хочу зубы почистить.

Но Анастасия сделала вид, что ничего не слышит. Она включила воду на полную мощь и села на унитаз. Лев ее продинамил. Она как дура прождала его несколько часов. Названивала ему на мобильный и в отель, оставила кучу сообщений. Все зря. Как в воду канул. Она ненавидела себя за то, что поверила ему, что так обрадовалась. Она уже не понимала, грустит или злится. А тут еще Макер лезет с разговорами.

Она вышла из ванной, только когда уже готова была лечь. Макер быстро почистил зубы, торопясь к ней. Но она бросилась в кровать и, съездившись под одеялом, притворилась спящей, чтобы он от нее отстал.

Когда Макер в пижаме вышел из ванной, она лежала на боку, отвернувшись от него.

– Ты уже спишь, солнышко? – спросил он, укладываясь.

Она не ответила. Растерявшись, он сказал ей в спину:

– Знаешь, сегодня в банке возникла одна проблема. Тарногол устроил мне взбучку. Заявил, что не назначит меня президентом. В общем, у меня осталось несколько дней, чтобы убедить его, что я тот, кто ему нужен. В связи с этим не могла бы ты не занимать вечер четверга? У нас есть приглашение на ужин Ассоциации женевских банкиров в “Отеле де Берг”. Жан-Бен и Шарлотта уступают нам свое место. Короче, этот ужин очень важен для меня.

Еще не хватало, подумала она, стараясь не шевелиться, очередное идиотское сборище.

– Скажи, солнышко, – не унимался Макер, – ты меня не разлюбишь, если я не стану президентом?

Она не шелохнулась. Наверное, уже спит и видит сны. Ответа Макара так и не дождался. Ему стало грустно – жене явно на него наплевать. Он принял снотворное и быстро заснул.

Анастасия еще не спала, когда в спальне раздался храп Макара. Она повернулась, разглядывая его. Добрая душа. Какая же она сука! Разозлилась на Льва, а отыгралась на Макаре. Конечно, она пойдет на ужин в четверг и поможет ему произвести хорошее впечатление на Тарногола. Разлюбит ли она Макара, если он не станет президентом? Президент не президент, ее чувства к нему давно угасли. Да и вообще, испытывала ли она к нему что-нибудь похожее на страсть? Ее подкупило тогда его дружелюбие – Макар, в сущности, милый человек, бесхитростный и великодушный, хоть и выглядит порой безнадежным недотепой. Она была так молода, так растеряна, когда согласилась выйти за него. Она остро нуждалась в поддержке. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь о ней позаботился. Хотелось залечить раны, нанесенные жизнью. Хотелось сбежать подальше от матери. Макар никогда не причинил бы ей вреда. Он вечно нянчился с ней. Готов был в лепешку разбиться ради нее. Но мужчины, готовые разбиться в лепешку, – все сплошь подкаблучники, а страсть покорности не прощает.

Но сегодня Анастасии требовалась именно страсть. Ей тридцать семь лет, все еще впереди. Вряд ли ее будущая жизнь пройдет подле Макара. Она хотела детей, но не от него. Она вдруг поняла это. Все эти годы она тайком принимала таблетки, считая, что боится иметь детей из-за своей матери. Бедняга Макар обошел всех врачей города, не сомневаясь, что проблема в нем! А вот теперь она мечтает родить Льву ребенка.

Какого черта он продинамил ее сегодня? Он что, издевается? А что, если от Макара она уйдет, а со Львом ничего не получится? Она останется ни с чем. Больше всего Анастасия страшилась бедности. Она попыталась успокоиться, говоря себе, что найдет работу и как-то продержится. Будет жить скромно. Зато по-честному. В сущности, ее жизнь – сплошное вранье. А все мать виновата. Видимо, ей тоже пора обратиться к этому доктору Казану – Макар рассказывает о нем какие-то чудеса. Он наверняка поможет ей разобраться в себе.

От этих мыслей у нее сна не было ни в одном глазу. Судя по храпу, Макар крепко спал. Она решила пойти на кухню, заварить травяной чай. Выходя из спальни, она захватила маленький золотой пистолет, лежавший в ящике комода. Ночью она боялась ходить по этому огром-

ному дому. В их квартале уже бывали кражи. Макер приобрел пистолет года два-три назад после того, как к соседям залезли, пока они спали. Он хотел, чтобы она чувствовала себя в безопасности, когда он уезжает в командировки. Даже выгравировал ее имя на рукоятке. Получилось красиво.

Анастасия сунула пистолет в карман халата и спустилась на кухню.

Разлюбит ли она Макара, если его не выберут? Она узнала, что он не станет президентом еще накануне смерти его отца. Она часто вспоминала о последнем вечере Абеля Эвезнера.

Примерно год назад.

Начало января

Врач вызвал Макара и Анастасию к постели умирающего Абеля, сказав, что тому осталось жить несколько часов, не больше. Войдя в огромный аристократический особняк в Коллонж-Бельрив, Анастасия была поражена запахом смерти, пропитавшим весь дом.

Абель лежал в постели, высохший, одеревеневший, но живость ума он, однако, не утратил. Она поцеловала его в лоб, он взял ее за руку и, как всегда, сделал ей комплимент. Они нежно улыбнулись друг другу. Анастасия всегда прекрасно ладила со свекром. Еще раз поцеловав Абеля в лоб, она вышла, чтобы оставить Макара наедине с отцом, но, стоя у приоткрытой двери, не упустила ни слова из их разговора.

Абель Эвезнер сказал неприятным тоном, как обычно, когда обращался к сыну:

– Вот и кончилась моя жизнь. Если подвести ее человеческие итоги, то у меня только один ребенок, и этот ребенок – ты. Знай я, что из тебя выйдет, я бы попытался завести как минимум двоих. Ты причинил много боли своей матери, тебе это известно. Мир праху ее!

– Я старался изо всех сил, папа.

– Значит, плохо старался!

– Мне очень жаль, папа.

– Ему жаль! Сожалениями горю не поможешь. Короче, перед отъездом на вечные каникулы я хочу поговорить с тобой о президентстве.

– Слушаю тебя, папа! – сказал Макер, и в голосе его прозвучало волнение.

– Как ты понимаешь, я не допущу, чтобы власть захватил Тарногол! Я написал в завещании, что отныне пост президента не будет передаваться по наследству, как это было принято все триста лет существования банка со времен Антиоха Эвезнера, и сам решу вопрос о преемнике, на что я, как президент, имею полное право.

– Отличная идея, папа, – поддакнул Макер с умильным взглядом собачонки, ждущей подачки.

– Незачем подлизываться, Макер, я вовсе не собираюсь назначать тебя! Ты ужасно меня унизил пятнадцать лет назад, продав Тарно голу акции, которые я передал тебе! Ты опозорил свое имя и семью, позволив войти в совет банка этому бесцеремонному, наглому психу, от которого воняет грязными деньгами. Ты у меня всю жизнь будешь за это расплачиваться. Ни Тарногол, ни твой безмозглый кузен Жан-Бен, ни уж тем более его нахал отец не возглавят мой банк, еще чего не хватало! Я решил, что моего преемника назовет совет, притом что ни один из его членов не сможет занять этот пост. Теперь я смогу спокойно умереть. Что касается тебя, то я и так уже отвалил тебе кучу денег, заплатил за твой гигантский особняк, ты унаследовал состояние матери и унаследуешь весь мой капитал, так что ты обеспечен до конца жизни, даже на несколько поколений вперед, если, конечно, у вас с Анастасией в один прекрасный день появятся дети. Не говоря уже о том, что ты отхватил неплохой куш, сбыв свою долю этому подонку Тарно голу. Знаешь, на самом деле именно из-за этого я окончательно разочаровался

в тебе. Из-за твоей продажности. Не успел я передать тебе акции, как ты толкнул их первому встречному.

– Я не продавал их, папа. Я всегда тебе это говорил! Я бы никогда так не поступил! Дело вообще не в деньгах.

– Верится с трудом, Макер, – сказал отец. – Что ж ты так и не объяснил мне, почему и на каких условиях ты заключил сделку с Синиором Тарноголом, если дело не в деньгах!

– Ты бы решил, что я спятил, – печально ответил Макер.

Он встал и поцеловал отца, прощаясь навсегда.

Свисток чайника вывел Анастасию из задумчивости. Она заварила кипятком листья травяного чая.

Она часто вспоминала последнюю встречу Макара с отцом. На что же он променял свою долю в банке? Он никому ничего не рассказал, даже ей.

Абель умер вскоре после их ухода. Как будто ждал, пока его оставят одного. Анастасия подумала, что вокруг него всегда крутилось множество людей, он был крайне востребованным человеком, но, в сущности, очень одиноким. Его похороны не стали исключением из правила. Проститься с ним в собор Святого Петра в то морозное утро пришли толпы народа. Окрестные ротозеи, друзья, городские и кантональные чиновники, представители высшего женеvского общества, сотрудники банков со всей страны. Надо было видеть.

Но погребение, согласно последней воле Абея, состоялось в узком кругу. На кладбище Сен-Жорж покойного сопровождали только три человека – Макер, Анастасия и Лев. Она никогда не забудет эту сцену: они стояли бок о бок, наблюдая, как в звенящей тишине гроб опускают в землю. Внезапно Лев, потихоньку от Макара, взял ее за руку. Она вздрогнула – к тому моменту они уже пятнадцать лет не разговаривали друг с другом.

В тот день, ощутив его прикосновение, она поняла, что оживает.

В тот день они наконец обрели друг друга. По прошествии пятнадцати долгих лет.

Стоя на кухне, она пила чай и рассеянно смотрела в окно. Интересно, где Лев? Она пыталась убедить себя, что он так с ней поступил по очень уважительной причине. Видимо, у него возникла какая-нибудь неотложная встреча. Что-то серьезное. Может, в ООН? Он не смог даже позвонить. Наверняка этому найдется объяснение.

Она и не подозревала, что в противоположном конце их парка, сидя верхом на ветке огромного кедра, какой-то человек, приставив к глазам бинокль, всматривался издали в окна освещенной кухни.

– У нее печальный вид, – сообщил Лев со своего наместа Агостинелли, который стоял в дозоре за оградой.

– Пора уже вам спуститься, – отозвался водитель с тревогой в голосе. – А то еще ушибетесь! Да и хороши мы будем, если нас засекут!

Лев послушно слез со своего наблюдательного пункта тем же способом, что и забрался: сидя на ветке, он начал медленно сползать, цепляясь за сучья и не обращая внимания на порванные брюки, пока не добрался до ствола, который почти вплотную прилегал к каменной стене парка. Обхватив дерево, он выпрямился, шагнул на стену и оттуда уже легко спрыгнул на крышу своей машины, припаркованной рядом.

– Извините, конечно, – сказал Альфред, – но какой смысл пропускать свидание, чтобы теперь весь вечер следить за ней издали? Мне кажется, вы оба жаждете встречи...

– Так надо, Альфред, – ответил Лев. – Вам известно, почему любовь – чрезвычайно сложная игра?

– Нет.

– Потому что любви нет. Это мираж, умозрительная конструкция. Или, если угодно, любовь может потенциально существовать до тех пор, пока не воплотится в реальность. Это эманация духа, сотканная из надежд, ожиданий и прогнозов. Что произошло бы, приди я на свидание к Анастасии? Она, вероятно, заскучала бы. Сочла бы разговор со мной слишком пресным. Вдруг у меня застрял бы в зубах листик салата. А ведь она представляла меня совсем иначе.

– Не факт, – возразил Агостинелли.

– Альфред, вы знаете не хуже меня: сегодняшний вечер идеален, потому что не состоялся.

– Но почему вы так стремитесь к идеальности?

– Потому что я ждал этого момента пятнадцать лет, Альфред. Целых пятнадцать лет...

– А что произошло пятнадцать лет назад?

– Пятнадцать лет назад я совершил самую большую ошибку в жизни. Как, впрочем, и бедняга Магер. В один и тот же день мы оба приняли решение, которое загубило нам жизнь.

Глава 15

Неверный ход

Среда, 27 июня 2018 года, Женева

Выйдя от соседки Эвезнеров в Колоньи, Скарлетт попыталась связаться с Армой, их бывшей домработницей, но безуспешно. Она оставила ей голосовое сообщение с просьбой перезвонить как можно скорее. После чего мы, воспользовавшись нашим пребыванием в Женеве, зашли в Эвезнер-банк на улице Корра-три. В огромном холле к нам подошел клерк из службы приема.

– Чем могу быть полезен?

– Мы хотели бы встретиться с президентом банка, – с ходу заявила Скарлетт.

– У вас назначена встреча? – спросил он.

– Нет.

– Сожалею, но боюсь, что в таком случае это невозможно. Вы по какому поводу?

– По поводу убийства, которое произошло в номере 622 “Паласа Вербье”. Вы ведь понимаете, о чем я?

Ее собеседник не выказал ни малейшего удивления и отошел позвонить. Я уловил только конец разговора: “Я немедленно приведу их к вам”.

Через несколько минут в переговорной нас принял президент банка, который, похоже, не слишком нам обрадовался.

– Что за манеры! – возмутился он. – Заявиться вот так, без предупреждения, и еще требовать встречи со мной!

– Мы ничего не требовали, – живо возразила Скарлетт. – Мы просто проходили мимо и зашли узнать, свободны ли вы. Разумеется, если мы неудачно выбрали время и вы предпочитаете принять нас в другой день, мы с удовольствием придем еще раз.

– Никуда вы не придете! – категорически заявил президент. – Я прервал важное совещание, чтобы сказать вам следующее: дело закрыто, и я не допущу, чтобы вы подняли шумиху вокруг нашего банка.

– Какую еще шумиху? – спросил я.

– Вы ведь здесь для того, чтобы написать книгу, не так ли? Что случилось? У вас иссякло воображение, и вы решили вытащить на свет божий ту историю? Это недостойно вас! А мне еще нравились ваши книги! Все, конечно, больше я вас читать не намерен.

– Дело не закрыто, – уточнила Скарлетт. – Преступник не был разоблачен.

– Оно закрыто в сознании людей, и это для меня главное. Об этом все давно забыли, и тем лучше для банка. Вы не отдаете себе отчета, как туго нам пришлось после этого убийства. Клиенты были встревожены, работа застопорилась, мы хлебнули лиха. Теперь, когда все наладилось, я не позволю вам бередить старые раны и причинять вред Эвезнер-банку! Я сейчас же позвоню своим адвокатам, и вам не поздоровится. А если вы будете продолжать в том же духе, я наложу запрет на ваш роман. И поверьте, у меня хорошие связи!

Когда мы выходили, в холле нас нагнал клерк, которого мы уже видели, когда пришли.

– Надеюсь, ваша встреча оказалась плодотворной, – многозначительно сказал он.

– Не слишком, – ответила Скарлетт.

Тогда он украдкой сунул ей в руку какую-то бумажку. После чего вернулся на свое рабочее место за стойкой.

– И что это было? Я не вполне понимаю, – сказал я Скарлетт, когда мы отошли на достаточное расстояние от банка.

– Я тоже, но скоро мы все узнаем. Она показала мне записку:

Встретимся через час в чайном салоне на улице Сите.

Пешеходная улица Сите находилась в Старом городе, сразу за банком. На ней мы обнаружили несколько магазинов и ресторанов и только один чайный салон. Ошибиться было невозможно. Мы сели за столик и решили пообедать в ожидании нашего информатора.

Через час в доме напротив, то есть, как мы поняли, с тыльной стороны банка, открылась неприметная дверь. Он быстрым шагом пересек узкую улочку и подсел к нам.

– Некоторые клиенты пользуются иногда этим выходом, чтобы уйти незаметно, – объяснил он.

– И некоторые сотрудники тоже, судя по всему, – поддела его Скарлетт.

Он рассмеялся:

– Почему вы так заинтересовались последним Большим уикендом и убийством в “Паласе”?

– Это все писатель. – Скарлетт кивком указала на меня. – Он пишет нам книгу на эту тему.

– Ну, эта загадка в основном вам не дает покоя, – возразил я.

– Убийство так и не было раскрыто, – напомнил наш собеседник.

– Вот именно, – подхватила Скарлетт. – Мы хотели бы понять, что там произошло.

– Не буду скрывать, я тоже. С тех самых пор мне не дает покоя та история. Мне уже через полгода на пенсию, и, по-моему, от меня тогда что-то ускользнуло... Как такое могло произойти, ума не приложу. Вообще-то служащему банка не пристало распространяться на эту тему. Главное, не упоминайте в книге мою фамилию, у меня могут быть неприятности!

– Я буду называть вас просто “служащий банка”, если вы не против, – предложил я, доставая блокнот, чтобы записать его рассказ.

– Прекрасно, – одобрил он.

– Вы были знакомы с убитым? – спросила Скарлетт.

– Ну, знаком – сильно сказано. Мы сталкивались с ним каждый раз, когда он приходил и уходил отсюда. На клерков с рецепции не особенно обращают внимание. Но за несколько дней до убийства в банке произошло кое-что необычное. Как сейчас помню. К нашей стойке подошел какой-то мужчина. Я заметил его, потому что он был очень причудливо одет. Он оставил нам конверт и исчез, не пожелав себя назвать.

– Кому предназначался конверт? – спросила Скарлетт.

– Макеру Эвезнеру. На конверте было указано, что его срочно следует вручить адресату. Поэтому я сразу передал его месье Эвезнеру. Он ужасно распахивался.

Глава 16

Анонимное письмо

Среда, 12 декабря, за 4 дня до убийства

В полвосьмого утра Магер Эвезнер приехал в банк, преисполненный решимости образцово вести себя и доказать Тарноголу, что из него выйдет отличный президент. Кристина изумилась, увидев своего начальника в такую рань.

– Месье Эвезнер, у вас все в порядке? – спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.